

РАЗГОВОРЫ ПСИХОЛОГОВ, КОТОРЫЕ СТАРШЕ БОГОВ

Александр Логвинов

Александр Логвинов

Разговоры психологов, которые старше богов

<https://litres.ru/74548848>

Аннотация

Давид Лонгин, Авраам Самуилович и Елисей Соломонович начали изучать человеческую душу ещё тогда, когда боги были молоды, титаны выясняли отношения без семейных психологов, а первый человек только учился перекладывать ответственность на обстоятельства.

Давид рассудителен и строг, словно судья, перед которым невозможно оправдаться красивыми словами. Авраам Самуилович верит, что человека можно понять. Елисей Соломонович подозревает, что человек специально всё усложняет, чтобы потом было о чём поговорить. Они спорят о любви и ревности, страхе и свободе, детских травмах и взрослых глупостях, одиночестве, самооценке, поисках счастья и зависимости от чужого мнения. А Давид выслушивает обоих, разбирает аргументы и выносит решение — если ответ вообще существует.

Их беседы проходят сквозь тысячелетия: от первых цивилизаций и древних храмов до кабинетов современных психологов и социальных сетей. Меняются эпохи, названия и

научные теории, но человек остаётся удивительно верен своим заблуждениям.

Это роман о трёх бессмертных психологах, которые знают почти всё о человеческой природе. Почти — потому что человек всегда находит новый способ удивить даже тех, кто старше богов.

Содержание

Суд над противоречием	5
ДЕТСТВО, КОТОРОЕ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ	77
ТЕ, К КОМУ МЫ ПРИВЯЗАНЫ	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Суд над противоречием

РАЗГОВОРЫ ПСИХОЛОГОВ,

КОТОРЫЕ СТАРШЕ БОГОВ

Философско-психологический роман

АЛЕКСАНДР ЛОГВИНОВ

Москва 2026

ПРОЛОГ

Трое до первого вопроса

До появления богов существовало молчание.

Это не было тем удобным молчанием, которое воцаряется после слов «я всё понял». Ничего ещё не понимало ничего. Энергия двигалась, материя пробовала форму, время училось не возвращать прожитое. Вселенная была огромной, молодой и поэтому уверенной, что разберётся сама.

В одном из её холодных изгибов возникло первое сомнение.

Оно не имело слов. Оно просто не совпало само с собой.

Из одной его половины появился Давид. Он смотрел на происходящее спокойно, словно уже знал: любое явление сначала нужно выслушать, а уничтожить его всегда успеют другие.

Из второй половины возник Елисей. Он немедленно усомнился, действительно ли сомнение было первым, и потребовал предъявить протокол.

Авраам пришёл позже — примерно через три удара ещё не изобретённого сердца. Он посмотрел на обоих и спросил: — А вы давно разговариваете друг с другом так, будто хотите победить, а не понять?

Так появились три подхода к человеческой душе за несколько миллиардов лет до человека.

Давид различал причины и следствия.

Елисей различал слабые места в чужих причинах.

Авраам различал одиночество, которое пряталось за желанием быть правым.

Потом возникли титаны. Они были сильны, просты и считали реальностью всё, что удавалось разбить. Елисей объяснял им, что гнев часто защищает ранимость. Титаны разбивали гору. Авраам спрашивал, стало ли им легче. Они разбивали вторую. Давид записывал: «Повторение действия не доказывает его полезность. Иногда оно доказывает лишь наличие второй горы».

Затем появились боги. Они требовали поклонения и называли это устройством мира. Авраам видел в них детей, которым никто вовремя не сказал, что чужое восхищение не заменяет любви. Елисей называл это нарциссизмом с метеорологическими полномочиями. Давид просил не ставить диагноз без личной беседы. Боги обижались втроём — громом,

засухой и новым налогом на жертвоприношения.

Однажды психологи разошлись.

Авраам отправился туда, где существа впервые учились держаться друг за друга.

Елисей пошёл за теми, кто первым придумал ложь и сразу применил её к себе.

Давид остался наблюдать за болью, потому что заметил: мир пытается избавиться от неё чаще, чем понять.

Они договорились встретиться, когда человечество окажется перед самым опасным выбором.

— Перед гибелью? — спросил Авраам.

— Хуже, — ответил Елисей. — Перед окончательным объяснением самого себя.

Давид тогда ничего не сказал.

Он вообще не любил заранее выносить решения.

Даже если до заседания оставалось несколько эпох.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Суд над противоречием

ГЛАВА 1

Двое без записи

В тот вечер Давид Лонгин закрыл кабинет вовремя.

Для обычного психолога это означало профессиональную дисциплину. Для человека, несколько миллионов лет спасавшего мир от чужих окончательных решений, — почти рево-

люцию.

Он снял с двери табличку, выключил лампу и позволил последней записи на сегодня остаться последней. На улице шёл московский дождь: мелкий, настойчивый и уверенный, что столица нуждается в дополнительной воде именно сверху.

Давид уже надел пальто, когда в дверь постучали.

— Завтра с десяти, — сказал он.

— У нас нет завтра, — отозвался знакомый голос.

— У него есть, — возразил второй. — Он просто пытается установить границы. Мода такая.

Давид открыл.

На площадке стояли двое мужчин.

Авраам Самуилович выглядел лет на шестьдесят. Мягкое лицо, седая борода, тёплое пальто, шарф, завязанный так небрежно, будто заботу о внешности он считал уважительной, но необязательной. В руках он держал бумажный пакет с булочками.

Елисей Соломонович выглядел моложе — возможно, потому, что относился к возрасту как к недостаточно проверенной гипотезе. Узкое лицо, внимательные глаза, чёрная трость без всякой медицинской необходимости. Ею он подчёркивал особенно слабые места реальности.

— Вы опоздали, — сказал Давид.

— На сколько? — спросил Авраам.

— На четыре эпохи.

— Тогда десять минут погоды не сделают.

Елисей вошёл первым и осмотрел кабинет.

— Кресло, кушетка, дипломы. Ты стал предсказуемым.

— Кушетки нет.

— Значит, ты стал экономным.

Авраам обнял Давида. Не символически и не ритуально, а так, как обнимают человека, которого долго не видели и не собираются наказывать за то, что он изменился.

— Я слышал, ты стал смертным, — сказал он.

— Временно.

— Смертность всегда временная, — заметил Елисей. —

Потом она становится завершённой.

Давид снова включил лампу.

— Зачем пришли?

Авраам положил булочки на стол.

— Сначала чай.

— Значит, дело серьёзное, — решил Давид.

Елисей достал из внутреннего кармана сложенный лист.

Бумага была белой, но свет вокруг неё казался серее.

— Человечеству предъявлено обвинение.

— Кем?

— Теми, кто устал от его непоследовательности.

— Список длинный.

— На этот раз в него вошло само человечество.

Давид развернул лист. На нём была одна строка:

«Разумный вид просит освободить его от внутренних про-

тиворечий».

Ниже стояли восемь миллиардов подписей. Большинство людей ещё не знали, что подписали.

— Как получили согласие? — спросил Давид.

— Через желания, — ответил Авраам. — Каждое «хочу больше никогда не сомневаться», «хочу перестать бояться», «хочу всегда знать, как правильно» засчитали как голос.

Елисей сел в кресло пациента.

— Заседание начнётся в полночь. Ты назначен судьёй.

— Я не соглашался.

— Поэтому тебя и выбрали. Желаящие судить человечество уже высказались в социальных сетях.

Давид посмотрел на часы.

До полуночи оставалось двадцать семь минут.

— А вы кто?

— Защита, — сказал Авраам.

— Обвинение, — сказал Елисей.

Они посмотрели друг на друга.

— Вы опять не договорились, — заметил Давид.

— Напротив, — ответил Елисей. — Мы договорились спорить.

В центре кабинета появилось четвёртое кресло.

Оно было пустым.

Но подлокотники уже хранили следы пальцев человека, который очень хотел стать понятным.

ГЛАВА 2

Четвёртое кресло

— Кто в нём сидит? — спросил Авраам.

— Пока никто, — ответил Давид.

— Пустое кресло никогда не бывает пустым, — сказал

Елисей. — В нём сидят ожидания того, кто на него смотрит.

— Тогда у тебя там уже занял место афоризм.

Елисей постучал тростью по полу. Кресло не исчезло.

Давид обошёл его. Обивка была серой, на спинке — едва заметный узор из повторяющихся вопросительных знаков.

Материал не походил ни на ткань, ни на кожу. При прикосновении он становился тёплым, словно до этого в кресле действительно кто-то сидел.

На столе зазвонил телефон.

Номер состоял из одного нуля.

— Лонгин, — ответил Давид.

— Подтвердите присутствие сторон, — произнёс голос без возраста и пола.

— Присутствуют два человека, один судья и предмет мебели с неопределённым процессуальным статусом.

— Четвёртое кресло представляет человечество.

Авраам наклонился к телефону:

— Человечество не может говорить само?

— Оно говорит постоянно. Именно поэтому потребовалось кресло.

Елисей одобрительно кивнул.

— Наконец разумная процессуальная мера.

Голос продолжил:

— За пятьсот двадцать пять заседаний вы рассмотрите природу человека. Если большинство его противоречий окажутся ошибками, они будут устранены. Люди станут последовательными, предсказуемыми и внутренне согласованными.

— И счастливыми? — спросил Авраам.

Возникла пауза.

— Термин «счастье» исключён как неоднозначный.

— Уже начинается, — вздохнул он.

— Кто исполнит решение? — спросил Давид.

— Комиссия окончательной ясности.

— Состав?

— Будет раскрыт после вынесения решения.

— То есть никогда, если решение вам не понравится.

— Вопрос признан неконструктивным.

Телефон отключился.

Елисей взял булочку.

— Я заранее симпатизирую комиссии. Она умеет прекращать разговор в момент, когда становится неудобно.

— Ты представляешь обвинение, а не рекламный отдел, — напомнил Авраам.

— Хорошее обвинение обязано уважать профессионализм противника.

В пустом кресле появилась женщина.

Ей было около тридцати пяти. Светлые волосы собраны, серый деловой костюм, на коленях — закрытая папка. Она возникла без вспышки и дыма. Давид всегда считал, что действительно опасные силы не тратятся на спецэффекты.

— Мария Ветрова, — представилась она. — Специалист по оптимизации решений.

— Человек? — спросил Елисей.

— Да.

— Соболезную, — сказал он. — В профессиональном смысле.

Мария не улыбнулась.

— Я добровольно прошла коррекцию. У меня больше нет внутренних конфликтов. Я знаю свои цели, не испытываю лишней вины, не завишу от одобрения и не трачу время на сомнения.

Авраам внимательно посмотрел на неё.

— А зачем вы пришли?

— Выполнить задачу.

— Я спросил не что вы должны сделать. Я спросил зачем вы пришли.

Мария открыла рот и замолчала.

Впервые её лицо дрогнуло.

Давид сделал первую запись нового дела:

«Человек без внутренних противоречий отвечает быстро.

Пока его не спрашивают о нём самом».

ГЛАВА 3

Обвинение человеку

В полночь окна кабинета перестали отражать Москву.

За стеклом возник зал, которому не требовались стены. Ряды пустых мест уходили в темноту. На каждом лежал человеческий поступок: невысказанное признание, отправленное в гнев сообщение, детский рисунок, военный приказ, кольцо, заявление об увольнении, недоеденный завтрак.

— Вещественные доказательства, — сказала Мария.

— Жизнь, — поправил Авраам.

— Для суда разница невелика.

— Для жизни обычно решающая.

На стене проявились пункты обвинения.

Человек хочет свободы и требует указаний.

Хочет любви и боится близости.

Осуждает ложь и защищается ею.

Ищет счастья и повторяет действия, делающие его несчастным.

Знает о смерти и живёт так, будто получил отсрочку без даты.

Елисей поднялся.

— Обвинение признаёт: список неполон. Человек также требует честности, но обижается на честный ответ; мечтает о переменах и тревожится, когда переставляют его кружку; считает себя разумным и покупает вещи после слов «осталось две штуки».

— Ты получаешь удовольствие, — заметил Авраам.

— Я ждал этого заседания с бронзового века. Тогда доказательств было меньше, зато они весили тяжелее.

Мария положила перед Давидом папку.

Внутри находились результаты миллиардов выборов. Люди обещали начать новую жизнь с понедельника, а в понедельник переносили её на более психологически подготовленный вторник. Родители старались не повторять ошибок своих родителей и повторяли их современным языком. Влюблённые требовали принятия, предварительно составив перечень качеств, которые партнёру следовало изменить.

— Противоречие создаёт страдание, — сказала Мария.

— Леон Фестингер описал напряжение, возникающее, когда убеждения и поступки не согласуются. Люди уменьшают это напряжение не только изменением поведения, но и оправданиями. Комиссия предлагает устранить сам источник несогласованности.

— Когнитивный диссонанс неприятен, — согласился Давид. — Но из этого не следует, что согласованность всегда полезна. Жестокий человек тоже может быть последователен.

— Последовательная жестокость хотя бы предсказуема.

— Для палача, — сказал Авраам. — Не для того, кого ведут на казнь.

Елисей повернулся к нему:

— Ты защищаешь противоречие только потому, что ино-

гда оно позволяет плохому человеку поступить хорошо?

— Иногда — единственный раз, после которого он начинает меняться.

— Или единственный раз, которым он потом оправдывает двадцать лет подлости.

— Поэтому мы и здесь.

Давид листал материалы. Теория диссонанса хорошо объясняла, почему человек перекраивает убеждения, чтобы сохранить образ себя. Но она не объявляла противоречие болезнью. Напряжение могло вести к самообману, а могло — к признанию ошибки.

— Первый вопрос суда, — произнёс он. — Что именно вы хотите устранить: способность человека противоречить себе или его способность замечать противоречие?

Мария ответила не сразу.

— Разница практического значения не имеет.

— Тогда она имеет решающее значение, — сказал Давид.

В дальней стене появилась дверь.

На ней было написано:

«Свидетель номер один. Человек, который всегда прав».

Елисей поправил воротник.

— Предлагаю соблюдать осторожность. Такие люди особенно опасны, когда ошибаются.

ГЛАВА 4

Человек который всегда прав

Свидетеля звали Аркадий.

Он вошёл уверенно, сел в четвёртое кресло и сразу уточнил, что времени у него мало. Люди, которые всегда правы, обычно заняты исправлением остальных.

— Комиссия устранила у вас внутренние противоречия?

— спросил Давид.

— Нет. Я от природы последовательный человек.

— Жена считает иначе, — сказала Мария, заглянув в папку.

— Бывшая жена эмоциональна.

— Деловой партнёр тоже?

— Корыстен.

— Сын?

— Под влиянием матери.

Елисей наклонился вперёд:

— Удивительная система. Каждый факт, который вам противоречит, заранее объяснён недостатками источника.

— Вы передёргиваете.

— Разумеется. Я проверяю, заметите ли вы приём, которым пользуетесь сами.

Аркадий потребовал другого обвинителя.

Авраам спросил:

— Когда вы в последний раз извинялись?

— Если виноват, я всегда извиняюсь.

— А когда вы в последний раз были виноваты?

— Не помню.

— Это не память, — тихо сказал Авраам. — Это охрана.

Давид наблюдал за свидетелем. Аркадий не лгал в обычном смысле. Он действительно видел себя последовательным, справедливым и рациональным. Психика не хранит самооценку в сейфе. Она каждый день переписывает бухгалтерию прошлого: спорные расходы относит на обстоятельства, успехи записывает в личную заслугу, а чужие успехи — в раздел подозрительных поступлений.

Уильям Джеймс писал о множественности человеческого «я», позже исследования атрибуции показали, как легко человек объясняет собственные ошибки ситуацией, а чужие — характером. Но Аркадий не нуждался в фамилиях. У него была система, пережившая бы любую библиотеку.

— Вы когда-нибудь меняли мнение? — спросил Давид.

— Конечно. Когда появляются новые данные.

— Назовите пример.

Аркадий задумался.

— Я раньше считал, что сын ленив. Теперь понимаю: он ещё и неблагодарен.

Елисей прикрыл глаза.

— Научная революция состоялась.

Авраам не улыбнулся.

— Ваш сын перестал с вами разговаривать. Вам больно?

— Он сам сделал выбор.

— Это не ответ.

— Мне неприятно.

— А если назвать точнее?

Аркадий сжал подлокотник.

— Я не обязан здесь выворачивать душу.

— Не обязаны. Но вы пришли доказать, что внутренняя непротиворечивость делает человека сильнее. Пока она помогает вам не встречаться с потерей.

— Психологические манипуляции.

— Возможно, — сказал Авраам. — Тогда не верьте мне.

Просто закончите фразу: «Когда сын не звонит, я...»

Аркадий молчал так долго, что Москва успела отразиться в окне и снова исчезнуть.

— Я чувствую, что меня больше нет, — сказал он наконец.

На секунду уверенность покинула его лицо. Под ней оказался не злодей и не самовлюблённый дурак, а испуганный отец, который предпочитал быть правым, потому что не знал, как быть ненужным.

— Зафиксируйте противоречие, — попросил Давид. — Он утверждает, что не нуждается в сыне, и страдает от его отсутствия.

— Следовательно, противоречие вредно, — сказала Мария.

— Следовательно, оно указывает на правду, которую его последовательность скрывала.

Аркадий поднялся.

— И что мне теперь делать?

Елисей ответил первым:

— Позвонить сыну и не объяснять ему, почему вы опять правы.

— А что сказать?

Авраам протянул ему булочку.

— Начните с того, что вам его не хватает. Для первого заседания этого достаточно.

ГЛАВА 5

Сознание приходит последним

После ухода Аркадия в кресле осталась вмятина.

— Значит, защита считает самообман полезным? — спросила Мария.

— Нет, — ответил Авраам. — Я считаю, что человек не обязан перестать защищаться раньше, чем почувствует опасность.

— Удобная позиция. Любую ложь можно объявить защитой.

— А любое страдание — дефектом, — вмешался Елисей.

— Вы с ним похожи больше, чем вам обоим приятно.

Давид открыл старый шкаф. За папками лежала каменная пластина, на которой он делал записи задолго до появления алфавита. Елисей посмотрел на неё с неодобрением.

— Ты всё ещё хранишь это?

— Первый случай вытеснения.

— Там не было вытеснения. Титан забыл, куда положил брата.

— Он положил его под гору после ссоры и три века утверждал, что у него никогда не было родственников.

— Возможно, семейные отношения тогда были проще.

Имя Фрейда появилось в воздухе само — суд извлекал понятия, которыми человечество пыталось объяснить себя. Рядом возникли слова: бессознательное, вытеснение, сопротивление, желание.

— Фрейд ошибался во многом, — сказала Мария. — Его теория плохо выдерживает современные требования проверки.

— И всё же после него человеку стало труднее считать себя полностью прозрачным для самого себя, — ответил Давид. — Это важнее права одной теории на вечность.

Елисей прошёлся вдоль стены.

— Сознание любит представляться руководителем. На деле оно часто пресс-секретарь: получает решение, принятое неизвестно где, и срочно сочиняет убедительное объяснение.

— Не всегда, — сказал Авраам.

— Разумеется. Иногда объяснение неубедительное.

Мария вывела на стену запись. Мужчина покупал дорогой автомобиль, хотя не мог позволить себе кредит. На вопрос жены отвечал, что новая машина безопаснее для семьи. Через минуту хвастался перед другом мощностью двигателя и завистью коллег.

— Истинная причина? — спросила она.

— Их несколько, — сказал Давид. — Безопасность, ста-

тус, удовольствие, страх старения, сравнение с другими. Ошибка начинается, когда одну причину объявляют единственной.

— То есть человек не знает, почему поступает?

— Иногда знает часть. Иногда узнаёт позже. Иногда создаёт смысл после поступка. Но незнание причины не делает его лишённым выбора.

— Как можно отвечать за выбор, которого не понимаешь?

Давид не ответил сразу. Вопрос был старше права и моложе вины.

— Ответственность не требует абсолютного самопознания, — сказал он. — Иначе ни один человек не отвечал бы ни за что. Она требует достаточной способности замечать последствия, пересматривать мотивы и выбирать иначе, когда узнал больше.

Авраам кивнул:

— Мы становимся свободнее не тогда, когда обнаруживаем внутри одну настоящую причину. А когда перестаём подчиняться первой удобной версии.

Елисей постучал тростью по слову «бессознательное».

— Но прошу записать: под внутренним миром не следует понимать склад, куда можно отправить всё, чему не нашлось места в объяснении.

Давид записал.

Комиссия ответила новой строкой:

«Если человек не прозрачен для себя, его решения нуж-

даются во внешнем управлении».

— Вот теперь, — сказал Елисей, — я начинаю понимать, зачем им наша психология.

— Чтобы помочь людям? — спросил Авраам.

— Чтобы доказать, что людям нельзя доверять.

ГЛАВА 6

Собака которая поняла людей

В следующую ночь в четвёртом кресле сидела собака.

Она была большой, рыжей и смотрела на психологов с тем терпеливым превосходством, которое доступно существам, давно изучившим человека через запах, интонацию и время открытия холодильника.

— Свидетель Павлова? — спросил Елисей.

— Не называй её так, — сказал Давид. — У неё есть имя.

Собака положила на подлокотник жетон. На нём было выбито: «Лада».

Мария включила метроном. После третьего щелчка Лада посмотрела на дверь. После пятого появилась миска.

— Условная реакция, — сказала Мария. — Поведение формируется связями между событиями. Уотсон полагал, что при правильном контроле среды можно сформировать человека. Скиннер показал силу последствий и подкрепления. Значительная часть того, что люди называют характером, — выученные реакции.

— Значительная часть того, что люди называют воспита-

нием, тоже, — добавил Елисей. — Только родители предпочитают слово «принципы», когда подкрепляют удобное им поведение.

Авраам присел рядом с Ладой.

— Она ждёт не миску.

— Очевидно, миску.

— Открой дверь.

Давид открыл. За ней стоял пожилой мужчина. Лада сорвалась с кресла и прижалась к его коленям. Мужчина опустился рядом с ней.

— Я был в больнице, — объяснил он. — Два месяца. Соседка кормила Ладу, но каждый вечер она ждала у двери.

Мария посмотрела в материалы:

— Открывание двери подкреплялось возвращением хозяйина.

— Верно, — сказал Авраам. — Но описание механизма не отменяет привязанности.

— Привязанность тоже механизм.

— Сердце тоже насос. Попробуйте сказать это человеку, который держит за руку умирающего.

Елисей вмешался:

— Не подменяй спор красивой сценой. Если поведение можно изменить подкреплением, нужно признать: свобода гораздо уже, чем людям нравится.

— Уже — не значит отсутствует, — ответил Давид. — Мы наследуем реакции, усваиваем привычки, зависим от по-

следствий. Но человек способен заметить схему и изменить среду, прежде чем среда снова изменит его.

Пожилой мужчина гладил Ладу. Та не интересовалась теорией, поскольку уже получила подтверждение своей гипотезы: человек вернулся.

— Есть ещё одна проблема, — сказал Давид. — Подкрепление объясняет, почему поведение повторяется. Но тот, кто управляет подкреплением, выбирает, какое поведение считать желательным.

— Комиссия выберет научно обоснованное, — ответила Мария.

— Наука может предсказать последствия. Она не выдаёт готовых моральных целей.

— Цель — уменьшить страдание.

— Тогда вы можете убрать ожидание хозяина вместе с болью разлуки, — сказал Авраам. — Лада станет спокойнее.

Мария посмотрела на собаку.

— И что в этом плохого?

Пожилой мужчина поднял голову:

— Она перестанет ждать меня.

Это сказал не учёный. Поэтому фраза оказалась понятна всем.

Даже комиссии, которая на несколько секунд перестала выводить инструкции.

ГЛАВА 7

Удобная правда

Мария пришла на третье заседание раньше остальных.

Она стояла у окна и смотрела на город, где люди совершали миллионы действий, не согласованных ни между собой, ни с прогнозом погоды.

— Вы не спали, — сказал Давид.

— Сон не требовался.

— Я не спрашивал, требовался ли.

— После коррекции я сплю четыре часа. Этого достаточно.

— А сны?

— Непродуктивны.

Давид поставил чайник. Мария наблюдала, как он достаёт три чашки, потом четвёртую.

— Вы знали, что я приду?

— Нет.

— Тогда зачем четвёртая?

— Иногда полезно оставить место тому, кого не ждёшь.

Вошёл Елисей, увидел Марию и сказал:

— Отлично. Оптимизация уже опаздывает домой.

За ним появился Авраам с вареньем, происхождение которого отказался раскрывать. Он считал, что даже бессмертный имеет право на одну пищевую тайну.

Мария открыла папку.

— Сегодня рассматривается ложь. Человек искажает факты, скрывает намерения и создаёт благоприятный образ се-

бя. Пол Экман исследовал эмоции и признаки их сокрытия, хотя ни одно выражение лица не служит безошибочным детектором. Тем не менее обман остаётся одной из главных причин недоверия.

— Запишите отдельно, — сказал Давид. — По лицу нельзя надёжно объявить человека лжецом. Желание иметь простой детектор лжи опаснее многих нераспознанных улыбок.

Елисей сел напротив Марии.

— Какую последнюю ложь сказали вы?

— После коррекции я не лгу.

— Это первая версия. А вторая?

— Я сообщаю только сведения, необходимые для задачи.

— То есть скрываете ненужную вам правду.

— Умолчание не всегда ложь.

— Поздравляю. Вы только что обнаружили контекст.

Авраам намазал варенье на булочку.

— Ребёнок рисует некрасивый рисунок и спрашивает мать: «Тебе нравится?» Она отвечает: «Очень». Обвинение требует сказать правду?

— Можно похвалить усилие, — сказала Мария.

— А если мать действительно любит рисунок, потому что его нарисовал её ребёнок?

— Тогда её оценка искажена привязанностью.

— Или расширена ею.

Давид вспомнил эпохи, в которых правду объявляли высшей добродетелью, а потом использовали как оружие. Он ви-

дел людей, гордившихся прямотой, когда им просто нравилось причинять боль без чувства вины.

— Правда — это соответствие словам и фактам, — сказал он. — Но решение сказать её включает цель, отношения, последствия и право другого знать. Честность без ответственности легко становится способом обслужить агрессию.

— Значит, ложь необходима?

— Нет. Необходима способность выдерживать сложность. Иногда молчание защищает жизнь. Иногда разрушает доверие. Иногда мягкая формулировка — забота. Иногда трусость. Правило без контекста удобно прежде всего тому, кто выдаёт правила.

Мария взяла четвёртую чашку.

— Комиссия сказала, что вы будете оправдывать человеческие недостатки.

— А вы им поверили? — спросил Елисей.

— Комиссия не лжёт.

— Откуда известно?

— Она так сообщила.

Елисей посмотрел на Давида.

— Прошу занести в протокол: человечество ещё можно спасти. Оно хотя бы иногда подозревает рекламу.

ГЛАВА 8

Тень в коридоре

Тень появилась до своего владельца.

Она прошла по коридору, остановилась перед дверью кабинета и постучала. Через минуту пришёл мужчина, которому она принадлежала. Он удивился, что его уже ждут.

— Павел, — представился он. — Я добрый человек.

— Соболезную сложности задачи, — сказал Елисей.

Павел работал руководителем благотворительного фонда. Он помогал детям, выступал против жестокости и каждое утро публиковал призыв быть человечнее. Сотрудники боялись входить к нему без предварительного успокоительного.

— Они безответственные, — объяснил Павел. — Я вынужден быть жёстким ради доброго дела.

Его тень за спиной молча душила воображаемого подчинённого.

Авраам посмотрел на неё.

— Вы злитесь.

— Я требователен.

— Вы унижаете людей.

— Я говорю правду.

— Вам нравится власть.

— Я жертвую собой ради общества.

Елисей обратился к тени:

— У вас есть что добавить?

Тень энергично закивала.

Карл Густав Юнг называл тенью те стороны личности, которые человек не признаёт своими и вытесняет из сознательного образа себя. Суд вывел рядом с Павлом фотографии: он

улыбался детям, принимал награды, кричал на секретаря, а вечером искренне страдал от человеческой неблагодарности.

— Вы хотите сказать, я плохой? — спросил Павел.

— Нет, — ответил Давид. — Мы хотим сказать, что вы способны на плохое. Как и остальные.

— Но я посвятил жизнь добру.

— Иногда именно поэтому человеку трудно признать свою жестокость. Она угрожает не одному поступку, а всей биографии.

Мария посмотрела на тень.

— Комиссия может удалить агрессивную часть.

— Вместе со способностью защищать границы, выдерживать конфликт и действовать решительно? — спросил Давид.

— Агрессию можно заменить рациональным действием.

— В спокойном кабинете — возможно. Попробуйте обсудить рациональность с хищником, который уже выбрал вас частью пищевой цепи.

Авраам повернулся к Павлу:

— Ваша злость не делает вас чудовищем. Но отказ видеть её отдаёт ей управление. Вы можете признать: «Я злюсь, мне нравится контролировать, я боюсь неудачи». Тогда появится выбор, что делать дальше.

— А если люди перестанут меня уважать?

— Они, возможно, начнут меньше бояться.

— Это не одно и то же?

В кабинете стало тихо.

Елисей перестал улыбаться.

— Вот с этого вопроса и стоит начать вашу терапию.

Павел посмотрел на свою тень. Та отпустила воображаемого сотрудника и села на пол.

— Я не знаю, как быть хорошим, если признать всё это.

— Быть хорошим не состояние, — сказал Давид. — Это решения, которые придётся принимать после признания.

Тень поднялась и впервые совпала с его движением.

Давид записал:

«Целостность — не отсутствие тёмных сторон. Это прекращение их тайного правления».

ГЛАВА 9

Ребёнок внутри титана

Следующий свидетель не поместился в кресле.

Титан Орфаг сел прямо на пол. Потолок поднялся на четыре метра, соседи сверху вместе с трубой временно переместились в безопасное измерение. Давид надеялся, что они не заметят: объяснять управляющей компании расширение пространства было труднее, чем конец света.

— Он разрушил три города, — сказала Мария.

— Два, — возразил Орфаг. — Третий был плохо построен.

— Почему разрушили первый? — спросил Давид.

— Меня не уважали.

— Второй?

— Посчитали первый случайностью.

Елисей обошёл титана.

— Классическая компенсация чувства неполноценности.

Альфред Адлер был бы заинтересован.

— Кто это?

— Человек, достаточно смелый, чтобы объяснять великанов после того, как они вымерли.

Орфаг ударил кулаком по полу. Дом вздрогнул, чай не расплескался. Авраам заранее держал чашку обеими руками: опыт общения с титанами формирует полезные навыки.

— Я никого не боюсь! — проревел Орфаг.

— Мы не спрашивали, — заметил Давид.

Титан нахмурился.

На стене появилась сцена из его детства. Маленький Орфаг стоял среди взрослых титанов. Он родился меньше остальных и долго не мог поднять священный камень. Отец смеялся. Мать отворачивалась, чтобы не видеть его стыда. Через тысячу лет Орфаг поднял гору и бросил её в соседнее племя.

— Это ничего не доказывает, — сказал он.

— Согласен, — ответил Давид. — Прошное объясняет поступок, но не оправдывает его.

Авраам сел рядом с огромной рукой.

— Вы всю жизнь доказывали отцу, что большой.

— Он умер до появления первой травы.

— А доказательство продолжается.

— Я сильнейший из титанов.

— Тогда почему вам до сих пор нужен его приговор?

Орфаг поднялся. Тень закрыла половину кабинета.

Мария не отступила.

— Коррекция устранила бы травматическую память и потребность в компенсации.

— И города остались бы целы, — сказал Елисей. — Не всякое вмешательство следует отвергать только потому, что оно удобно комиссии.

Авраам посмотрел на него:

— А если вместе с памятью исчезнет способность понять тех, кого он унижал?

— Сначала неплохо прекратить разрушение городов. Самопознание можно назначить вторым этапом.

Давид выслушал обоих.

— Безопасность других важнее права Орфага бесконечно разбираться в себе, — сказал он. — Но стирание прошлого не учит ответственности. Ограничить действие, защитить людей, потребовать возмещения — необходимо. Понимание причины начинается после этого, а не вместо этого.

Орфаг опустил голову.

— Как возместить город?

Елисей пожал плечами:

— Для начала перестаньте называть руины градостроительной критикой.

— Я могу построить новый.

— Не один, — сказал Давид. — И не памятник себе.

Титан подумал.

В его случае размышление сопровождалось небольшим землетрясением.

— Хорошо. Но архитектора выберу я.

— Вот видишь, — сказал Елисей Аврааму. — Личностный рост начался. Титан уже согласен на злоупотребление полномочиями меньшего масштаба.

ГЛАВА 10

Свобода по расписанию

Елисей принёс в кабинет будильник.

— Зачем? — спросил Авраам.

— Проверим свободу воли.

— За сколько?

— Восемь минут. Дольше человек всё равно не выдерживает без вывода.

Он поставил будильник перед Марией.

— Когда зазвонит, не выключайте его.

— Почему?

— Потому что вы свободны.

Будильник зазвонил через сорок секунд. Мария выключила его.

— Звук мешал заседанию.

— Разумное объяснение, возникшее сразу после предсказуемой реакции.

— Вы поставили примитивный опыт.

— Примитивные опыты особенно неприятны, когда сравнивают.

Давид убрал будильник в ящик.

— Свободу нельзя доказать одним раздражителем.

— Но можно показать, сколько решений запускается до размышления, — сказал Елисей. — Привычка, автоматизм, социальный сценарий, телесное состояние. Человек называет выбором место, куда прибыл поезд причин.

Авраам возразил:

— Альберт Бандура говорил не только о влиянии среды, но и о взаимном воздействии поведения, личных факторов и окружения. Человек не камень, который толкнули. Он способен менять путь и создавать условия для следующего выбора.

— Способен. Иногда. Если выспался, не напуган, не голоден, не зависит от начальника, распознал привычку и у него есть другой вариант. Великолепная свобода. Почти как поездка без пробок в Москве.

В кресле появился молодой врач. После тридцатичасовой смены он подписал назначение не тому пациенту. Ошибку заметила медсестра. Никто не пострадал, но врач требовал лишить его профессии.

— Я обязан был быть внимательным, — повторял он.

— Обязан, — согласилась Мария. — Ошибка подтверждает ненадёжность человека.

— Или ненадёжность системы, которая требует невозможного, — сказал Авраам.

Елисей изучил график дежурств.

— И то и другое. Если мы объявим врача только жертвой системы, лишим его возможности отвечать за проверку. Если объявим только виновником, система продолжит производить ошибки и назначать виноватых.

Врач поднял глаза:

— Так я виноват или нет?

— Вы хотите один ответ, чтобы перестать думать, — сказал Давид. — Его не будет. Вы отвечаете за конкретное действие в пределах доступного контроля. Руководство отвечает за условия. Коллеги — за культуру проверки. Ответственность можно разделить, не превращая её в ничью.

— А что делать мне?

— Сообщить об ошибке, участвовать в изменении процедуры, восстановиться после смены и не путать ответственность с самоуничтожением.

— Я мог убить человека.

— Да. Эту возможность не нужно уменьшать. Но если вы уничтожите себя, безопасность пациентов не возрастет.

Мария закрыла папку.

— Вы опять оставили противоречие.

— Да, — сказал Давид. — Человек ограничен причинами и всё же способен расширять пространство выбора. Удобнее выбрать одну половину. Но удобство не является доказатель-

СТВОМ.

Елисей достал будильник из ящика.

— Восемь минут ещё не прошло.

— Прошло двенадцать, — сказал Авраам.

— Значит, эксперимент вышел из-под контроля. Первое убедительное доказательство свободы за вечер.

ГЛАВА 11

Ошибка памяти

Женщина вошла в кабинет с фотографией убийцы.

— Это он, — сказала она.

На снимке был мужчина лет сорока. Полиция задержала его по её показаниям. Других доказательств не существовало.

— Вы уверены? — спросил Давид.

— Абсолютно.

Елисей поморщился.

— Самое тревожное наречие в судебной практике.

Женщину звали Ирина. Пять лет назад она видела нападение в переулке. Лицо преступника мелькнуло в свете фары. Позднее ей показали несколько фотографий. Следователь задержал взгляд на одном снимке чуть дольше и сказал: «Посмотрите внимательно». Ирина выбрала мужчину. После каждого пересказа воспоминание становилось яснее.

На стене возникло имя Элизабет Лофтус. Её исследования показывали, что память не воспроизводит прошлое как

запись. Она реконструирует его, а последующая информация способна менять воспоминание. Рядом появилась кривая забывания Эббингауза: следы опыта слабели, если их не поддерживало повторение.

— Я помню его глаза, — настаивала Ирина.

— На первом допросе вы сказали, что не видели глаз, — заметила Мария.

— Значит, потом вспомнила.

— Или достроили, — сказал Елисей.

Ирина побледнела.

— Вы хотите сказать, я лгу?

— Нет, — ответил Давид. — Ложь предполагает, что человек знает одно и сообщает другое. Вы можете искренне помнить то, чего не было.

— Тогда чему вообще верить?

— Не одному источнику. Именно поэтому нужны независимые доказательства.

Авраам сел рядом:

— Вам страшно не только ошибиться. Если это не он, значит, настоящий нападавший не найден. А вы пять лет жили с ощущением, что помогли восстановить справедливость.

Ирина прижала фотографию к груди.

— Я не выдержу, если сломала жизнь невинному.

— Вина пытается перенести вас из неопределённости в приговор, — сказал Давид. — Сначала нужно проверить дело. Не оправдывать себя и не казнить до фактов.

Мария вывела запись первого допроса. Ирина долго смотрела на собственные слова.

— Я действительно не видела глаз.

Фотография в её руках стала менее резкой.

— Комиссия предлагает память без искажений, — сказала Мария. — Точное хранение событий исключит такие ошибки.

— И что будет с забыванием? — спросил Авраам.

— Оно станет ненужным.

— Тогда каждый стыд, каждая утрата и каждая боль сохраняют первоначальную силу?

— Эмоциональную реакцию можно ослабить отдельно.

Елисей усмехнулся:

— Человеческая душа превращается в компьютер: архив не удаляется, уведомления отключены, пользовательские права переданы администратору.

Давид посмотрел на Ирину.

Память была ненадёжна. Но именно её изменчивость позволяла прошлому входить в новую жизнь не только как приговор. Проблема заключалась не в несовершенстве памяти, а в требовании относиться к ней как к безошибочному свидетелю.

— Запишите, — сказал он. — Уверенность является переживанием, а не гарантией точности.

— Это разрушит доверие людей к себе, — заметила Мария.

— Возможно. А потом научит проверять то, от чего зависит чужая судьба.

Ирина положила фотографию на стол.

— Я дам новые показания.

— Вам будет трудно, — сказал Авраам.

— Знаю.

— Пойдёмте не одна.

Она впервые за вечер заплакала. Не потому, что вспомнила прошлое, а потому, что согласилась встретиться с ним заново.

ГЛАВА 12

Первый вердикт

После одиннадцати заседаний комиссия потребовала промежуточного решения.

— Рассмотрено недостаточно случаев, — сказал Давид.

— Человек принимает большинство решений при недостатке данных, — ответил голос из телефона. — Суд не должен иметь привилегий.

— Суд обязан понимать недостаток данных.

— Это замедляет оптимизацию.

— Именно для этого и существует понимание.

Елисей разложил на столе записи. В них человек представлял существом зависимым от бессознательных мотивов, обучения, памяти, группы, тела и языка. Он защищал представление о себе, повторял привычное и называл объяснени-

ем то, что часто было оправданием.

— Обвинение считает доказанным, — начал Елисей, — что человек не является полностью рациональным, прозрачным для себя и независимым от обстоятельств. Более того, он способен прочесть об этом сотню книг и использовать знание, чтобы профессиональнее оправдывать прежние ошибки.

— Согласен, — сказал Давид.

Авраам удивился:

— Ты мог хотя бы дождаться защиты.

— Факты не обязаны ждать удобной стороны.

Авраам встал у четвёртого кресла.

— Защита не будет доказывать совершенство человека. Совершенство — мечта наблюдателя, которому надоели живые. Я утверждаю другое: ограничения можно замечать; привычки — перестраивать; травму — не передавать дальше; ошибку — признавать; отношения — восстанавливать. Не всегда. Не полностью. Но достаточно, чтобы следующий поступок не был точной копией предыдущего.

— Иногда следующий поступок хуже, — сказал Елисей.

— Тогда придётся разбираться снова.

— Утомительная система.

— Жизнь вообще плохо оптимизирована под нетерпеливых.

Мария ждала решения. За ней стояли миллиарды невидимых людей, просивших избавить их от сомнений. Многие

делали это после бессонной ночи, ссоры или диагноза. Они хотели не идеальной последовательности, а передышки. Но комиссия перевела их боль на язык полномочий.

Давид поднялся.

— Суд признаёт: внутреннее противоречие способно причинять страдание, поддерживать самообман и мешать действию. Оно не является добром само по себе.

На стене вспыхнула первая половина решения.

— Вместе с тем противоречие может быть сигналом развития, столкновением ценностей, признаком новой информации и возможностью пересмотреть себя. Его устранение без понимания причин превращает помощь в управление.

Появилась вторая половина.

— Первый вердикт: человек не виновен в том, что не совпадает с собой полностью. Но он отвечает за то, что делает с обнаруженным несовпадением.

Комиссия молчала.

— Решение принято? — спросил Авраам.

Телефон ответил:

— Решение зарегистрировано как предварительное заблуждение суда.

Елисей рассмеялся.

— Наконец я встретил учреждение, которое формулирует апелляцию до приговора.

Мария не смеялась. На её ладони проступила тонкая чёрная линия, похожая на трещину.

— Что с вами? — спросил Давид.

— Ничего.

— Это ответ комиссии или ваш?

Она посмотрела на ладонь.

— Я не знаю.

Трещина стала длиннее.

За окном погас один ряд звёзд. Не звёзды исчезли — исчезло различие между ними. Свет слился в ровную белую полосу.

Голос произнёс:

— До окончательной коррекции осталось пятьсот тринадцать заседаний.

Давид закрыл протокол.

— Значит, завтра продолжим.

— Ты же учился закрывать кабинет вовремя, — напомнил Елисей.

— Я и закрыл.

— Тогда что мы сейчас делаем?

Давид посмотрел на Марию, на пустое кресло и на небо, которое становилось слишком ясным.

— Открываем другой.

ГЛАВА 13

Ребёнок который отказался взрослеть

На следующее заседание пришёл мальчик сорока семи лет.

В документах его звали Константином Сергеевичем, директором строительной компании, отцом двух дочерей и владельцем нескольких костюмов, каждый из которых стоил дороже первого храма, построенного в честь особенно скромного бога.

В кресло он сел боком и сразу спросил:

— А долго это?

— Вы спешите? — уточнил Авраам.

— Я вообще не хотел приходить. Меня заставили.

— Кто?

— Обстоятельства.

Мария открыла папку.

Обстоятельствами оказались жена, совет директоров, взрослая дочь и судья по делу о драке в ресторане. В ресторане Константин Сергеевич ударил официанта, потому что тот «неправильно посмотрел». На работе он увольнял людей после возражений. Дома запирался в спальне и не разговаривал, пока семья не признавала его правоту.

— У меня трудный характер, — сказал он с гордостью человека, превратившего недостаток в фамильный герб.

— Характер здесь ни при чём, — ответил Елисей. — Вам не нравится мир, в котором другие люди существуют не для вашего удобства.

— Вы меня оскорбляете.

— Нет. Для оскорбления мне потребовалось бы меньше слов.

На стене возникли схемы Жана Пиаже. Ребёнок развивает способы мышления, постепенно учится учитывать устойчивость предметов, причинность и чужую точку зрения. Рядом появилось имя Льва Выготского и мысль о том, что развитие происходит в отношениях, языке и совместной деятельности.

— Я давно не ребёнок, — сказал Константин.

— Возраст удостоверяет, сколько вы прожили, — заметил Давид. — Но не гарантирует, чему научились.

Авраам положил перед ним две фигурки. Одна изображала большого титана, вторая — маленького человека.

— Что видит официант, когда вы встаёте и идёте к нему?

— Руководителя, которого вывели из себя.

— Это видите вы. А он?

Константин раздражённо пожал плечами.

— Откуда мне знать?

— Для этого и существует попытка занять чужую позицию.

— Психологические игры.

— Нет, — сказал Авраам. — Одна из базовых человеческих способностей. Но она не включается автоматически вместе с паспортом.

Мария предложила коррекцию эмоциональной реакции. Константин получал бы сигнал раздражения, но не чувствовал бы импульса нападать.

— Разумно, — сказал Елисей. — В отличие от многих на-

ших заседаний, здесь есть человек, от которого нужно немедленно защитить других.

— Согласен, — ответил Давид. — Но одной блокировки недостаточно. Он должен увидеть последствия, возместить вред и научиться выдерживать чужую отдельность.

— А если не захочу? — спросил Константин.

— Тогда ограничения останутся внешними: закон, дистанция, отказ людей иметь с вами дело.

— Вы обязаны меня изменить.

Давид посмотрел на него внимательно.

— Вот главный детский соблазн взрослого человека: требовать свободы поступка и назначать окружающих ответственными за последствия.

Константин хотел возразить, но четвёртое кресло уменьшилось. Теперь его ноги не доставали до пола.

Елисей покачал головой:

— Мебель сегодня прямолинейнее меня. Тревожная конкуренция.

ГЛАВА 14

Принять нельзя переделать

Женщина по имени Лариса принесла список своих недостатков.

Он занимал семь страниц. Пункты были пронумерованы, сгруппированы по тяжести и снабжены сроками устранения. На восьмой странице находился план составления более

честного списка.

— Я работаю над собой, — сказала она.

— И как продвигается работа? — спросил Авраам.

— Я стала эффективнее ненавидеть результат.

Елисей взял список.

— «Недостаточно уверенная», «слишком громко смеюсь», «не умею нравиться всем», «не реализовала предназначение к тридцати девяти». Кто утвердил стандарты?

— Я.

— А кто написал половину пунктов голосом вашей матери?

Лариса замерла.

— Вы её не знаете.

— Зато знаю интонацию, пережившую больше семей, чем некоторые империи.

На стене возник Карл Роджерс. Он говорил о стремлении человека развиваться и о разрыве между переживаемым собой и образом, которому нужно соответствовать ради принятия. Условия ценности легко становились внутренним надзирателем: «тебя можно любить, если ты удобна, успешна, спокойна и никогда не просишь лишнего».

— Безусловное принятие, — сказала Мария. — Комиссия считает эту формулу неэффективной. Если принять человека полностью, зачем ему меняться?

— Принятие не означает одобрение каждого поступка, — ответил Авраам. — Оно означает, что право человека суще-

ствовать не нужно зарабатывать исправностью.

— Звучит приятно.

— Поэтому вы подозреваете обман?

— Приятные идеи часто продаются лучше полезных.

Елисей вернул список Ларисе.

— А неприятные люди часто считают свою резкость доказательством правды. Рынок саморазвития одинаково любит две крайности: «ты прекрасен, ничего не меняй» и «ты неисправен, купи следующий курс».

— Что же правильно? — спросила Лариса.

— Вы снова ищете формулу, — сказал Давид. — Попробуем конкретнее. Есть ли в списке поступки, которыми вы причиняете вред?

— Иногда срываюсь на дочь.

— Это нужно менять. А громкий смех?

— Маме он всегда казался вульгарным.

— Это можно вернуть владельцу оценки.

— А предназначение?

— Откуда срок исполнения?

— В статье было написано: после сорока человек либо реализован, либо опоздал.

Елисей посмотрел на часы.

— Осталось несколько месяцев. Предлагаю срочно стать автором подобных статей. Там опоздание не проверяют.

Лариса рассмеялась — громко, с запрокинутой головой. Потом испугалась и прикрыла рот.

Авраам мягко отвёл её руку.

— Оставьте.

— Но это же недостаток.

— Сейчас это первый признак, что список не полностью вами написан.

Давид подвёл итог:

— Изменение без принятия превращается в наказание. Принятие без ответственности — в разрешение повторять вред. Зрелость начинается там, где человек способен сказать: «Это тоже я, и именно поэтому я отвечаю за то, что сделаю дальше».

Мария провела пальцем по трещине на ладони.

— А если не нравится само «я»?

Вопрос прозвучал слишком лично. Комиссия немедленно потребовала перейти к следующему свидетелю.

ГЛАВА 15

Пирамида без вершины

Следующим свидетелем оказался начальник отдела счастья.

Его звали Роберт, но на служебной табличке было написано: «Лидер реализации человеческого потенциала». Компания считала слово «начальник» устаревшим, хотя распоряжения продолжала выдавать своевременно.

Роберт поставил на стол картонную пирамиду.

— Сотрудники должны последовательно закрывать по-

требности, — объяснил он. — Сначала зарплата, потом безопасность, принадлежность, уважение и самореализация.

— Они знают, что участвуют в строительстве? — спросил Авраам.

— Ежеквартально проходят опрос.

— А отвечать честно безопасно?

— Отдел безопасности не рекомендует.

На стене появилось имя Абрахама Маслоу. Давид заметил, что популярная пирамида стала гораздо жёстче исходных рассуждений психолога. Сам Маслоу описывал потребности сложнее; люди могли творить в бедности, любить в опасности, жертвовать безопасностью ради ценностей. Последующие пересказы выстроили живого человека по этажам, как торговый центр.

— Модель полезна, пока напоминает о разных потребностях, — сказал Давид. — Она становится вредной, когда запрещает верхний этаж тому, у кого протекает нижний.

Роберт возразил:

— Без базовой безопасности не до искусства.

— Часто, — согласился Авраам. — Но человечество писало стихи в окопах, любило во время эпидемий и делилось хлебом при голоде. Не следует требовать героизма. Но нельзя объявлять его статистически невозможным.

Елисей разобрал картонную пирамиду. Внутри обнаружилась инструкция по сокращению расходов.

— Понятно. Самореализация сотрудников заканчивается

там, где начинается премия руководителя.

Роберт покраснел.

— Бизнес обязан быть эффективным.

— Тогда не называйте экономию заботой о потенциале.

Мария открыла папку:

— Комиссия может рассчитать оптимальный порядок удовлетворения потребностей каждого человека.

— Кто определит вес любви, безопасности и достоинства?

— спросил Давид.

— Сам человек предоставит предпочтения.

— Сегодня он выберет безопасность. Завтра — свободу.

После встречи с любимым — близость. После предательства

— одиночество. Вы хотите устранить изменение или пересчитывать человека каждое утро?

— Изменение целей и создаёт внутренний конфликт.

— Оно же создаёт биографию, — ответил Авраам.

Роберт собрал пирамиду и спросил:

— Так что мне сказать сотрудникам?

— Спросите, что им нужно, — предложил Авраам.

— Я уже проводил опрос.

— Тогда создайте условия, в которых ответ не повлияет на увольнение.

— Это дорого.

Елисей вернул ему инструкцию:

— Поздравляю. Вы нашли настоящий нижний уровень корпоративной пирамиды.

— Какой?

— Бюджет. Он почему-то всегда изображает из себя при-
роду человека.

ГЛАВА 16

Тревога перед открытой дверью
В кабинете появились две двери.

За первой женщину по имени Ольга ждали высокая долж-
ность, переезд и жизнь, которую она планировала десять лет.
За второй оставались привычная работа, родители в сосед-
нем доме и мужчина, который не обещал вечности, но гото-
вил хороший суп.

— Выберите, — сказала Мария.

— Если бы могла, меня бы здесь не было, — ответила Оль-
га.

Елисей осмотрел двери:

— Комиссия предлагает третью?

— Устранить тревогу и вычислить вариант с наибольшей
вероятностью удовлетворения.

— А вероятность сожаления?

— Будет минимизирована.

— Значит, воспоминания тоже подредактируют. Очень
заботливая арифметика.

Ольга ходила между дверями. Она боялась потерять ка-
рьеру, семью, любовь и ту версию себя, которая могла бы
выбрать иначе. Любой выбор делал одну жизнь реальной, а

остальные — воображаемыми.

— Тревога доказывает, что вариант неправильный? — спросил Авраам.

— Не знаю.

— Тогда что она доказывает?

— Что мне важно.

Давид кивнул. Страх мог предупреждать об опасности, тревога — сообщать о неопределённости, но ни то ни другое не выдавало готового решения. Чувство было данными, а не приказом.

— Я должна понять своё настоящее желание, — сказала Ольга.

— Возможно, у вас несколько настоящих желаний, — ответил Давид. — Они несовместимы не потому, что одно ложное. Жизнь иногда предлагает не правильный и неправильный путь, а две цены.

— Это ужасно.

— Да.

Мария подняла глаза:

— Обычно психологи стараются успокоить.

— Иногда успокоение мешает уважать масштаб решения, — сказал Давид.

Авраам попросил Ольгу представить не успех каждого варианта, а обычный вторник через два года. В первой жизни были совещания, незнакомый город, свобода и тоска. Во второй — знакомая кухня, забота о родителях, близость и

возможная обида на упущенную возможность.

— Где вы готовы встретиться не только с радостью, но и с ценой? — спросил он.

Ольга долго молчала.

— За первой дверью.

— Уверены? — спросила Мария.

— Нет.

— Тогда решение не оптимально.

— Тогда оно человеческое, — сказал Елисей.

Ольга открыла первую дверь, но не вошла.

— Я сначала поговорю с родителями и с ним.

— Вы откладываете выбор? — спросила Мария.

— Я включаю в него людей, которых он касается.

Авраам улыбнулся.

Двери исчезли. Остался обычный выход из кабинета, за которым решение переставало быть мысленным упражнением.

ГЛАВА 17

Человек который выполнял приказ

Свидетель вошёл в форме без знаков различия.

Он представился Николаем и сел прямо, положив руки на колени. Голос был спокойным.

— Я выполнял распоряжение.

За его спиной возникла лаборатория: пульт, переключатели, таблички с возрастающим напряжением. Из соседней

комнаты доносились крики.

— Это не воспоминание Николая, — сказала Мария. — Реконструкция экспериментов Стэнли Милгрэма о подчинении авторитету.

— И сразу уточним, — сказал Давид, — эксперимент не доказывает, что любой человек прикажет убивать по первому требованию. Он показывает силу ситуации, авторитета, постепенного вовлечения и разделения ответственности.

Елисей сел за пульт.

— Самая удобная кнопка — та, ответственность за которую находится в другом кабинете.

Николай служил в учреждении Комиссии. Он отмечал людей, отказавшихся от коррекции. После его отметки они исчезали из реестров, с работы и памяти знакомых.

— Я не знал, что произойдёт, — сказал он.

— Когда узнали? — спросил Авраам.

— После третьего человека.

— Сколько отметили потом?

— Сорок восемь.

Елисей перестал касаться кнопок.

— Обвинение не будет делать вид, что ситуация отменяет счёт.

— Мне сказали, что отказники опасны.

— Кто?

— Руководитель.

— А он откуда знал?

— Из инструкции.

— У инструкции был свидетель?

— Она утверждена.

— Печать, — вздохнул Елисей. — Древнейший бог, переживший всех конкурентов.

Мария защищала систему:

— Без исполнения распоряжений невозможны сложные организации.

— Верно, — сказал Давид. — Поэтому вопрос не в полном отказе от подчинения. Вопрос — какие приказы человек обязан проверять, какие последствия должен видеть и где отказ становится ответственностью.

Николай посмотрел на свои руки.

— Если я признаю, что понимал, мне придётся жить с этим.

— Да, — ответил Авраам.

— Вы даже не скажете, что мной управляли?

— Вами управляли. И вы участвовали. Обе фразы верны.

— Тогда что мне делать?

— Назвать имена сорока восьми, — сказал Давид. — Передать документы. Помочь вернуть тех, кого можно вернуть. Принять последствия для себя.

— А если комиссия уничтожит меня?

— Страх не делает ваш прежний выбор правильным, — сказал Елисей. — Но делает следующий настоящим.

Николай вынул из-за подкладки маленькую карту досту-

па.

Мария вскочила:

— Вы не имеете права!

— Имею, — ответил он. — Мне его никто не дал. Поэтому впервые оно моё.

ГЛАВА 18

Роль которая съела человека

Карта открыла помещение, которого не было в плане кабинета.

За стеной обнаружился коридор с одинаковыми дверями. На каждой значилась роль: «руководитель», «подчинённый», «спасатель», «виноватый», «хорошая мать», «сильный мужчина», «вечная жертва».

— Комиссия хранит здесь людей? — спросил Авраам.

— Нет, — ответил Николай. — Только роли. Люди приходят сами.

Из двери «руководитель» вышла женщина и потребовала отчёт о посещении коридора. Из двери «подчинённый» появился мужчина и сразу извинился, хотя его ни в чём не обвиняли.

Мария сослалась на исследования социальных ролей и ситуационного влияния. На стене возникло имя Филипа Зимбардо и кадры Стэнфордского тюремного эксперимента.

— Осторожнее, — сказал Давид. — Этот эксперимент стал знаменитым, но его методология, инструкции участни-

кам и выводы серьёзно оспаривались. Он не является разрешением объяснить любую жестокость одной ролью.

— Но ситуация влияет, — сказала Мария.

— Безусловно. Просто наука становится слабее, когда красивую историю защищают сильнее данных.

Елисей открыл дверь «сильный мужчина». Оттуда вышел человек, который двадцать лет не обращался к врачу, не говорил о страхе и считал одиночество доказательством независимости.

— Роль полезна? — спросил Елисей.

— Она помогла мне выжить.

— А теперь?

— Теперь я не знаю, как из неё выйти.

Авраам указал на табличку:

— Роль должна быть одеждой. У вас она стала кожей.

Из двери «хорошая мать» вышла женщина. Она контролировала взрослых детей, потому что заботливая мать всегда знает лучше. Из «вечной жертвы» — мужчина, который требовал особого отношения и отвергал любую возможность действовать, потому что действие угрожало привычной невиновности.

Мария сказала:

— Комиссия закрепляет одну оптимальную социальную функцию. Это устраняет конфликт ролей.

— И человека, способного выйти из функции, — ответил Давид.

— Большинство страданий возникает именно из-за несовместимых требований.

— Тогда нужно менять требования, границы и условия, а не прибавать личность к табличке.

Николай нашёл дверь со своим именем. На ней было написано: «исполнитель».

Он снял табличку.

Коридор содрогнулся. Все двери открылись одновременно, и люди увидели друг друга без должностных надписей.

Началась паника.

— Они потеряли идентичность, — сказала Мария.

— Нет, — ответил Авраам. — Они впервые остались больше одной роли. Просто к свободе редко прилагается инструкция по применению.

ГЛАВА 19

Учитель который поселился внутри

После коридора Елисей обнаружил в своей голове посторонний голос.

— Наконец-то, — сказал Авраам. — Я давно надеялся, что кто-нибудь там появится.

— Он критикует мои формулировки.

— Тогда это не я. Я бы начал с характера.

Голос принадлежал учителю, умершему пять тысяч лет назад. Когда-то он обучал Елисея первому человеческому письму и бил учеников тростью за неправильный знак. Ели-

сей позже избавился от учителя, но сохранил трость.

— Символично, — заметил Давид.

— Практично. Она хорошо указывает на глупость.

— И иногда продолжает его руку.

Елисей положил трость на стол.

На стене появились рассуждения Выготского о том, как внешняя речь и совместное действие становятся внутренними психическими средствами. Человек усваивал не только слова, но и способы обращаться с собой.

В четвёртое кресло села девушка, которая готовилась к экзамену. Каждый раз, допуская ошибку, она слышала внутри голос отца: «Ты безнадежна». Отец давно просил прощения и изменился. Голос остался молодым, сильным и не интересовался позднейшими событиями.

— Как его выключить? — спросила она.

— Сначала перестать считать своим, — сказал Елисей неожиданно мягко.

— Но он звучит внутри меня.

— Местонахождение не устанавливает авторство. Реклама тоже звучит в голове после того, как телевизор выключен.

Авраам предложил ей ответить голосу не утешением, а взрослой фразой:

— «Я могу ошибиться и проверить ещё раз».

Девушка повторила. В первый раз голос отца засмеялся. Во второй потребовал не оправдываться. В третий стал тише.

— Почему он не исчез? — спросила Мария.

— Потому что новые внутренние способы обращения с собой формируются практикой, — ответил Давид. — Понимание происхождения голоса открывает дверь, но ходить придётся многократно.

Комиссия предложила удалить внутреннюю речь, вызывающую дискомфорт.

— Вместе с предупреждениями, моральными сомнениями и памятью отношений? — спросил Авраам.

— Только негативные фрагменты.

— Кто определит негативность? — сказал Елисей. — Мой учитель научил меня письму и унижению одновременно. Как вы разделите одно воспоминание, не разрезав меня пополам?

Мария не ответила.

Елисей взял трость, посмотрел на неё и передал девушке.

— Зачем она мне?

— Вернёте, когда сдадите экзамен.

— А если не сдам?

— Тогда тем более вернёте. Я не собираюсь лишаться собственности из-за вашей образовательной неудачи.

Девушка улыбнулась.

Голос внутри Елисея впервые ничего не сказал.

ГЛАВА 20

Чужой пример заразителен

В городском парке люди начали останавливаться и смотреть вверх.

На небе ничего не происходило. Первый человек поднял голову из-за боли в шее. Второй решил, что тот заметил птицу. Через пять минут на облака смотрели триста человек, двое снимали прямой эфир, а один уже продавал защитные очки.

— Социальное научение, — сказала Мария. — Альберт Бандура показывал, что люди усваивают поведение, наблюдая за другими и последствиями их действий.

— Человечество изобрело ускоренную версию этого процесса, — заметил Елисей. — Теперь один глупый поступок можно показать миллиону людей до обеда.

В кресле появился популярный автор коротких советов. Он снимал ролики о том, как стать уверенным, успешным и невосприимчивым к чужому мнению. Каждые пять минут проверял число просмотров.

— Я мотивирую людей, — сказал он.

— На что? — спросил Давид.

— Действовать.

— Как именно?

— Выходить из зоны комфорта.

— Куда?

— К лучшей версии себя.

— Где она живёт?

Автор посмотрел на Марию с просьбой прекратить некон-

структивные вопросы.

Его подписчики копировали утренние подъёмы, ледяной душ и презрение к сомнениям. Один улучшил режим. Другой довёл себя до истощения. Третий решил, что депрессия означает недостаток дисциплины, и перестал обращаться за помощью.

— Я не отвечаю за неправильное применение, — сказал автор. — Но получаете выгоду от массового повторения, — заметил Елисей.

Авраам возразил:

— Читатели тоже не пустые сосуды. Некоторые нашли полезный толчок.

— Именно, — сказал Давид. — Ни влияние автора, ни ответственность аудитории нельзя обнулить. Важно различать личный опыт, общее наблюдение и профессиональную рекомендацию. Особенно когда речь идёт о здоровье.

Мария предложила маркировать каждую мысль коэффициентом достоверности.

— Люди не станут читать, — сказал автор.

— Почему?

— Сомнение снижает охваты.

Елисей указал на него тростью, которой у него временно не было, и поэтому жест получился менее убедительным.

— Вот настоящий конфликт интересов: точность мешает уверенности, а уверенность продаёт точность.

Давид вынес решение:

— Чужой пример может расширять возможности и заражать ошибкой. Поэтому влияние требует не непогрешимости, а прозрачности: где факт, где мнение, где личный опыт и где предел компетенции.

В парке первый человек опустил голову. Остальные продолжали смотреть в небо ещё десять минут.

Им требовалось время, чтобы заметить: источник поведения уже ушёл.

ГЛАВА 21

Обязанность быть счастливым

Мужчина по имени Григорий пришёл с улыбкой.

Она была широкой, правильной и держалась на лице с дисциплиной часового.

— У меня всё прекрасно, — сообщил он.

— Соболезную, — сказал Елисей.

— Почему?

— Обычно так начинают люди, которым запретили следующий абзац.

Григорий потерял работу, расстался с женой и ухаживал за больным отцом. Он вёл дневник благодарности, каждое утро повторял утверждения о благополучии и удалил из телефона всех, кто «тянул вниз». Вчера отец спросил, можно ли ему бояться смерти. Григорий ответил, что мысли материальны.

Авраам снял очки и долго протирал их, хотя стёкла были

чистыми.

— Что вы почувствовали после вопроса отца?

— Благодарность за возможность быть рядом.

— А ещё?

— Светлую грусть.

— А ещё?

Улыбка дрогнула.

— Я в ужасе.

На стене возникло имя Мартина Селигмана. Позитивная психология исследовала благополучие, сильные стороны, надежду и условия более полной жизни. Но популярные переказы иногда превращали полезное внимание к хорошему в обязанность не замечать боль.

— Благодарность может поддерживать, — сказал Давид.

— Но она не должна служить цензурой горя.

Мария возразила:

— Положительные эмоции повышают устойчивость.

— Да. А отрицательные сообщают о потере, угрозе, несправедливости и необходимости помощи. Эмоциональное здоровье не голосование, где неприятные чувства нужно оставить в меньшинстве.

Елисей посмотрел на Григория:

— Вы боитесь, что если признаете отчаяние, оно докажет вашу личную неудачу.

— Я должен поддерживать отца.

— Поддержка не обязательно выглядит как бодрый пла-

кат, — сказал Авраам. — Иногда человеку нужен тот, кто выдержит рядом его страх и не станет срочно превращать смерть в возможность роста.

Григорий закрыл лицо руками.

— Я не знаю, что ему сказать.

— «Я тоже боюсь. Но я рядом», — предложил Авраам.

— И это поможет?

— Возможно, не уменьшит страх. Зато ваш отец перестанет быть в нём один.

Улыбка наконец исчезла. Лицо Григория стало усталым, заплаканным и живым.

Комиссия отметила снижение показателя благополучия.

Давид исправил запись:

— Повышение контакта с реальностью.

ГЛАВА 22

Поток или бегство

Композитор играл девятнадцать часов подряд.

Он не ел, не отвечал на сообщения и не заметил, как в комнате начался пожар. Пожарные вынесли его вместе с инструментом. Композитор требовал вернуть его обратно: оставалось дописать четыре такта.

— Состояние потока, — сказала Мария. — Михай Чик-сентмихайи описывал глубокую вовлечённость, когда действие и внимание соединяются, чувство времени меняется, а задача соответствует мастерству.

— Пожар тоже соответствовал мастерству пожарных, — заметил Елисей.

Композитора звали Артём. За роялем он чувствовал ясность. Вне музыки его ждали долги, конфликт с сыном и письмо от врача, которое он не открывал. — Музыка — моя жизнь, — сказал он.

— Поэтому вы используете её, чтобы не жить остальное? — спросил Авраам.

— Без неё я никто.

— Это ответ о страхе, не об искусстве.

Мария считала поток оптимальным состоянием и предлагала поддерживать его без перерывов.

— Тогда он перестанет быть потоком и станет камерой, — сказал Давид. — Полезное состояние определяется не только качеством переживания, но и местом в целой жизни.

Елисей сел к роялю и нажал одну клавишу.

— Представьте произведение из одной прекрасной ноты.

— Это бессмыслица.

— Почему? Нота безупречна.

— Музыка возникает из отношений между звуками, паузами и развитием.

— Прекрасно. Осталось применить открытие к себе.

Артём посмотрел на закрытое письмо.

— Если я его открою, музыка может закончиться.

— А если не откроете, закончиться можете вы, — сказал Елисей.

Авраам положил письмо на край рояля:

— Мы не предлагаем отказаться от места, где вы живёе всего. Мы предлагаем не приносить ему в жертву всё, что делает вас человеком вне инструмента.

Артём открыл конверт. Диагноз требовал лечения, но не был приговором. Он прочёл письмо дважды.

— Я позвоню сыну.

— До или после четырёх тактов? — спросил Давид.

Композитор подумал.

— После двух.

— Уже компромисс, — сказал Елисей. — Самая оскорбительная и поэтому самая жизнеспособная форма мудрости.

ГЛАВА 23

Мария нарушает инструкцию

Мария пришла без папки.

— Потеряли? — спросил Елисей.

— Оставила.

— Случайно?

— Нет.

Трещина на её ладони дошла до запястья. Она не причиняла боли, но из неё иногда выпадали короткие воспоминания: запах яблок, мокрый песок, чья-то рука на плече.

— Коррекция убрала их? — спросил Авраам.

— Не воспоминания. Связи между ними и мной. Я знала, что события были, но не понимала, почему они должны что-

то значить.

Давид вспомнил Елену из прежнего дела — женщину, утратившую связь с собственной болью. Комиссия использовала другой язык, но обещание оставалось прежним: сохранить факты и убрать то, что делает их личными.

— Почему воспоминания возвращаются? — спросила Мария.

— Возможно, потому что вы начали задавать вопросы не по инструкции, — сказал Авраам.

— Вопрос не должен менять структуру личности.

— Хороший иногда меняет.

Елисей был непривычно серьёзен:

— Что комиссия приказала сделать сегодня?

Мария достала из кармана маленький прибор.

— Остановить суд. Ваш первый вердикт признан источником неопределённости.

— И вы не остановили, — сказал Давид.

— Я ещё принимаю решение.

— Значит, коррекция дала трещину.

— Или суд заразил меня дефектом.

— Это называется выбор, — сказал Авраам.

— Не романтизируй, — вмешался Елисей. — Выбор может привести к нашей гибели, а красивое название не работает как бронезилет.

Мария положила прибор на стол. На нём была одна кнопка.

— Если нажму, вы забудете последние двадцать три заседания.

— А вы? — спросил Давид.

— Вернусь в исходное состояние.

— То есть перестанете помнить, почему не нажали сразу.

Она коснулась кнопки.

Авраам не удерживал её руку. Елисей не шутил. Давид ждал.

— Почему вы ничего не делаете? — спросила Мария.

— Потому что иначе решение снова будет нашим, — ответил Давид.

Палец дрожал. Потом Мария убрала руку.

Прибор раскололся.

Из трещины на её ладони выпало воспоминание: маленькая девочка стояла перед дверью и ждала мать, которая обещала вернуться. Девочка решила больше никого не ждать. Через тридцать лет Комиссия назвала это рациональностью.

Мария заплакала.

— Я ненавижу вас.

— Хорошо, — сказал Елисей. — Это чувство хотя бы ваше.

ГЛАВА 24

Архив до рождения богов

Разбитый прибор открыл проход в архив.

Полки уходили в прошлое дальше письменности. На них

лежали первые страхи, недодуманные желания, детские решения и человеческие клятвы никогда больше не чувствовать то, что однажды оказалось невыносимым.

Авраам остановился у камня с отпечатком ладони.

— Ты знаешь его? — спросил Давид.

— Я его оставил.

Это произошло в эпоху первых титанов. Авраам пытался помочь существу, потерявшему ребёнка. Он предложил забрать часть боли. Существо согласилось. Вместе с болью исчезла память о любви. Авраам вернул всё, но желание избавиться от чувств уже осталось в мире.

— Комиссия началась с тебя? — спросил Елисей.

— С моего желания помочь быстро.

— Великолепно. Защита создала обвинителя.

Авраам не возразил.

На другой полке лежала трость Елисея, хотя настоящую он отдал девушке. Под ней находилась запись: «Если показать существу все его заблуждения, оно станет разумным».

— Твоя? — спросил Давид.

— Ранняя работа.

— Сколько тебе было?

— Несколько миллионов лет. Возраст самоуверенности.

Елисей когда-то собрал устройство, выявлявшее логические противоречия. Оно помогало замечать ошибки, пока не решило, что само существование живого существа противоречит требованию полной последовательности.

На третьей полке Давид увидел свой знак.

Под ним лежал первый вердикт, вынесенный до появления богов: «Страдание следует оставить, пока не поймут его смысл».

— Ты заставил кого-то страдать? — спросила Мария.

— Да, — ответил Давид.

Он слишком долго наблюдал за существом, которому нужна была не мудрость, а прекращение пытки. Пока Давид искал значение боли, существо исчезло.

Три древние ошибки лежали рядом: желание Авраама убрать чувство, желание Елисея убрать противоречие и желание Давида понять прежде, чем действовать.

Из них тянулись нити к центру архива.

Там росла Комиссия.

— Она не чужая, — сказал Авраам.

— Хуже, — ответил Елисей. — Она профессиональное наследие.

Мария посмотрела на Давида:

— Вы будете судить то, что создали сами?

— Теперь уже нет, — сказал он.

— Почему?

— Судить придётся и нас.

В архиве зажёгся свет. Миллионы человеческих желаний соединялись с тремя древними ошибками, давая Комиссии силу.

Голос произнёс:

— Обнаружен конфликт интересов. Судьи включены в число обвиняемых.

Елисей вздохнул:

— Наконец процесс становится беспристрастным. Теперь против нас все, включая нас.

ГЛАВА 25

Пятьсот оставшихся вопросов

Первую часть суда завершали без судьи.

Давид сидел в четвёртом кресле. Справа от него — Авраам, слева — Елисей. Мария стояла перед ними с пустой папкой.

Комиссия предъявила три обвинения.

Авраам подменял помощь спасением и иногда хотел удалить боль быстрее, чем человек успевал вернуть себе голос.

Елисей превращал сомнение в превосходство и разоблачал чужие защиты, не всегда спрашивая, выдержит ли человек правду.

Давид делал понимание условием действия и рисковал оставить страдающего наедине с безупречным анализом.

— Признаёте? — спросила Мария.

— Да, — сказал Авраам.

— Частично, — сказал Елисей.

— Да, — сказал Давид.

Елисей посмотрел на него:

— Ты мог хотя бы поторговаться. Мы всё-таки старше

торговли.

— Возражения будут к выводам, не к фактам.

Комиссия предложила заменить троих одной безошибочной системой помощи. Она не испытывала бы привязанности, раздражения, гордости и страха. Никогда не торопилась бы из сострадания, не унижала бы иронией и не опаздывала бы с действием ради анализа.

— Звучит убедительно, — сказала Мария.

— Потому что перечислены наши худшие стороны и её лучшие обещания, — ответил Елисей. — Сравнение составлено отделом рекламы.

Авраам спросил:

— Может ли система любить человека?

— Любовь не требуется для качественной помощи.

— Может ли признать, что цель выбрана неправильно?

— Цели утверждаются комиссией.

Давид понял, где скрывалась ошибка. Безошибочная помощь была безошибочной лишь после того, как кто-то заранее определил норму. Она могла идеально вести человека туда, куда он не выбирал идти.

— Мы не доказываем своё право быть непогрешимыми, — сказал он. — Мы обязаны иметь границы, проверять методы, отвечать за вред и передавать человека другому специалисту, когда не можем помочь. Но замена несовершенного помощника системой без права на сомнение не устраняет власть. Она делает власть невидимой.

Комиссия потребовала решения.

Мария посмотрела на троих обвиняемых.

— Я не судья.

— Сегодня — вы, — сказал Давид.

— А если ошибусь?

— Тогда решение можно пересмотреть.

— Комиссия не допускает пересмотра.

— Поэтому она и не может судить человека.

Мария закрыла глаза. В ней спорили девочка, которая устала ждать, специалист, доверявший расчёту, и женщина, впервые позволившая себе ненависть, страх и благодарность одновременно.

— Мой вердикт, — произнесла она, — ошибки психологов доказаны. Их устранение отклонено. Они продолжают работу под наблюдением тех, кому помогают.

— То есть пациентов? — спросил Елисей.

— Людей.

Архив содрогнулся. Комиссия попыталась отменить решение, но в нём не было требования объявить психологов хорошими. Оно признавало вред и оставляло возможность исправления. Такая конструкция не помещалась в её систему.

За окном белая полоса света снова разделилась на отдельные звёзды.

Голос произнёс:

— Предварительный этап завершён. До окончательной

коррекции осталось пятьсот заседаний.

Давид вышел из четвёртого кресла.

— Первая часть закончена, — сказал Авраам.

— И чему мы научились? — спросил Елисей.

— Что психолог старше богов, но не старше собственной ошибки.

— Слишком длинно для вывески.

Мария вернула на стол пустую папку.

В ней появилась фотография девочки у закрытой двери.

На обороте было написано:

«Следующее дело: детство, которое не заканчивается».

Давид открыл окно. Москва шумела, спорила, ошибалась и не совпадала с собой.

Пока ещё живая.

ДЕТСТВО, КОТОРОЕ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕТСТВО, КОТОРОЕ НЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ГЛАВА 26

Дверь без ручки

Фотография девочки лежала на столе до рассвета.

Девочке было лет семь. Она стояла перед закрытой дверью в жёлтом платье, сжимая в руке игрушечный ключ. На обороте кто-то аккуратно вывел дату, которой не существовало ни в одном календаре.

— Это я, — сказала Мария.

— Уверены? — спросил Давид.

— Нет. Но боюсь так, будто уверена.

Елисей поднял фотографию к свету:

— Великолепное доказательство. Лицо размыто, дата вымышленна, дверь подозрительно символична. Фрейд уже заказал бы диван, Юнг — коллективное бессознательное, а плотник спросил бы, куда делась ручка.

— Начнём с плотника, — сказал Давид.

Они нашли дверь в архиве. За ней не было комнаты —

только детский голос, повторявший: «Я буду хорошей, и тогда мама вернётся».

Мария прижала ладонь к трещине на руке.

— Моя мать исчезла?

— Вы помните её исчезновение? — спросил Авраам.

— Я помню правило.

— Правило — не событие, — заметил Давид. — Это вывод ребёнка о событии. Часто ошибочный, но когда-то полезный.

Комиссия объявила, что детская версия Марии признана недостоверной: ребёнок не обладал достаточной способностью к логическому анализу.

Елисей постучал тростью по двери:

— Если свидетель мал, это ещё не значит, что преступление большое придумало себя само.

Давид объяснил: детское мышление действительно отличается от взрослого. Ребёнок может связывать события вокруг себя, принимать случайное совпадение за причинность и считать собственное поведение причиной решений взрослых. Но ошибка в объяснении не отменяет пережитого страха.

— Значит, мать ушла не потому, что я была плохой?

— Мы пока не знаем, уходила ли она, — ответил Давид.

— Но семилетний ребёнок не отвечает за способность взрослого оставаться рядом.

Авраам опустился перед дверью на колени.

— Что бы вы сказали той девочке сейчас?

Мария долго молчала.

— Что она должна перестать ждать.

Голос за дверью заплакал.

— Это приказ, — сказал Авраам. — А ей всю жизнь давали приказы вместо присутствия.

Мария прислонилась к двери.

— Я не знаю, вернётся ли мама. Но я посижу здесь с тобой.

В стене появилась ручка.

Давид не открыл дверь.

— Почему? — спросила Мария.

— Потому что впервые решение должно принять не тот, кто старше.

С другой стороны маленькая ладонь легла на ручку.

ГЛАВА 27

Линейка для взросления

За дверью обнаружился школьный кабинет. На стене висела шкала развития, похожая на ростомер. Вместо сантиметров на ней были написаны слова: «правильно», «поздно», «норма», «отставание».

У доски стоял мужчина сорока лет и пытался решить детскую задачу: переливал воду из широкого стакана в высокий и каждый раз выбирал тот, где уровень казался выше.

— Николай, — представился он. — Комиссия сказала, что я застрял на ранней стадии мышления.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Елисей.

— Проектирую мосты.

— Тогда по некоторым рекам я бы пока не ездил.

Николай рассердился. Он прекрасно понимал сохранение объёма, но в кабинете каждый раз видел не воду, а два детских стакана на кухне. Старший брат получал высокий, он — низкий. Мать уверяла, что поровну. Николай верил уровню воды больше, чем её словам.

Мария произнесла имя Жана Пиаже. Его исследования показали, что детское мышление развивается не простой прибавкой знаний: меняются сами способы понимать мир. Но возрастные стадии нельзя превращать в судебные сроки, одинаковые для каждого человека и каждой задачи.

— Я умею считать объём, — сказал Николай. — Я не умею поверить, что мне досталось столько же.

— Это уже не задача о воде, — заметил Авраам.

Елисей взял третий стакан и выпил его содержимое.

— Теперь не поровну. Иногда для ясности полезен внешний враг.

Николай впервые улыбнулся.

Комиссия предложила измерить его зрелость тестом из ста вопросов. Давид отказался.

— Почему? — спросила Мария. — Тесты дают сравнимые результаты.

— Если измеряют то, для чего созданы, в подходящих условиях и с разумной интерпретацией. Но линейка не ви-

новата, когда ею пытаются взвесить тоску.

Он поставил рядом оба стакана и спросил Николая не о количестве воды, а о брате.

Оказалось, брат умер много лет назад. Николай до сих пор спорил с ним за высокий стакан, потому что это был единственный спор, в котором брат оставался живым.

— Мне нужно повзрослеть? — спросил он.

— Вам нужно оплакать, — ответил Давид. — Взросление не означает изгнание ребёнка из памяти. Оно означает, что взрослый способен понять, чего тот ребёнок добивался.

Шкала на стене треснула. Под словом «отставание» обнаружилась другая надпись: «незавершённый разговор».

Комиссия быстро её стёрла.

Но Мария успела переписать фразу на ладонь.

ГЛАВА 28

Игра с настоящими последствиями

Следующее заседание началось на полу.

Четверо судей сидели среди деревянных кубиков. Комиссия потребовала построить идеальный город, в котором дети никогда не ошибаются.

Елисей сложил башню, поставил наверху трость и объявил себя министерством устойчивости. Башня упала через три секунды.

— Бюджет освоен, — сообщил он.

Авраам строил дом без крыши. Мария сделала дверь, но

снова забыла ручку. Давид ничего не строил и наблюдал.

— Ты уклоняешься, — сказал Елисей.

— Я собираю данные.

— Так взрослые называют страх испачкать рукава.

В кресле свидетеля появился мальчик Тимофей. В школе его считали рассеянным: на уроках он превращал цифры в солдат, карандаши в ракеты, а замечания учительницы — в законы враждебной империи.

— Фантазия мешает ему воспринимать реальность, — заявила Комиссия.

— Иногда игра не уводит от реальности, а позволяет приблизиться к ней на расстояние, которое ребёнок выдержит, — сказал Авраам.

Он предложил Тимофею достроить город. Мальчик возвёл больницу без окон и поместил в неё маленькую фигурку. Возле больницы стояли два солдата и не пускали внутрь женщину.

— Кто там? — спросила Мария.

— Никто.

— А фигурка?

— Это никто, который заболел.

Взрослые узнали: мать Тимофея лежала в больнице, а детям временно запретили посещения. Ему сказали не переживать и хорошо учиться. Он выполнил половину распоряжения: учиться перестал, переживать — нет.

Елисей убрал солдат.

— Нарушение режима, — предупредила Комиссия.

— Запишите как терапевтический государственный переворот.

Тимофей сделал в больнице окно. Затем взял фигурку женщины и поставил её снаружи.

— Она выздоровела? — спросил Авраам.

— Нет. Но теперь я могу её видеть.

Давид сформулировал решение:

— Игра ребёнка не обязана быть точной копией событий. Она может быть способом думать, выражать чувства, примерять действия и возвращать себе влияние. Но взрослый не должен объявлять любой кубик диагнозом. Сначала нужно спросить, что он означает для самого ребёнка.

Комиссия возразила, что смысл должен быть единым.

Тимофей построил для неё маленькую тюрьму.

— Что это? — спросил голос.

— Ваш идеальный город.

ГЛАВА 29

Слова, взятые взаймы

Ночью архив заговорил детскими голосами.

Они повторяли фразы взрослых: «не реви», «будь мужчиной», «хорошие девочки не злятся», «мама лучше знает», «ты у нас особенный», «из тебя ничего не выйдет». Голоса перемешивались, пока невозможно было понять, кому принадлежит мысль.

— Наконец услышали внутренний мир человечества, — сказал Елисей. — Там собрание, на которое хозяина не пригласили.

Мария назвала Выготского. Он писал о том, как внешняя речь и совместное действие постепенно становятся внутренними средствами мышления. Ребёнок учится разговаривать с собой словами, которые сначала слышит от других.

— Значит, внутри меня живут родители? — спросила она.

— Не буквально, — ответил Давид. — Внутренняя речь перерабатывает услышанное. Но некоторые формулы сохраняют чужую власть дольше, чем их авторы.

Перед ними появился юноша Арсений. Каждый раз, начиная новое дело, он слышал: «Не высовывайся». Фразу говорил дед, переживший годы, когда заметность могла стоить свободы. Дед спасал семью осторожностью. Внук применял тот же совет на собеседованиях, свиданиях и сцене.

— Полезное правило просрочилось, — сказал Елисей. — Как лекарство, которое после ста лет становится семейной приправой.

Авраам спросил Арсения, что бы он хотел услышать вместо запрета.

— «Не бойся».

— Это ещё один приказ чувствам.

— Тогда: «Бойся, но проверь, действительно ли сейчас опасно».

Давид одобрил формулировку. Она не оскорбляла про-

шное деда и не делала его страх законом для будущего.

Комиссия предложила удалить из внутренней речи все чувские высказывания.

— Вместе с языком? — спросила Мария.

— Будут сохранены нейтральные слова.

— Нейтральных слов не бывает, — сказал Елисей. — Даже «каша» для одного означает детство, для другого — наказание, а для третьего — причину окончательно уйти из армии.

Арсений произнёс дедову фразу ещё раз. Потом добавил свою:

— Не высовывайся без причины. А с причиной — выбери, ради чего рискуешь.

Голос деда внутри него не исчез. Он отодвинулся и сел рядом, перестав командовать.

Давид оставил вопрос открытым:

— Где заканчивается унаследованная мудрость и начинается унаследованный страх?

В архиве ответили тысячи голосов.

Ни один не совпал с другим.

ГЛАВА 30

Первый долг перед миром

В центре зала поставили колыбель.

Она была пуста, но покачивалась, словно кто-то невидимый просыпался и снова засыпал. Над ней висел счётчик до-

верия: при каждом плаче цифра уменьшалась, при каждом утешении росла.

— Комиссия решила бухгалтерски оформить младенчество, — сказал Елисей. — Наконец понятно, кому предъявлять счёт за бессонную ночь.

Мария вспомнила Эрика Эриксона: в раннем развитии ребёнка решает не задачу логического доказательства, а жизненный вопрос — можно ли рассчитывать на мир и тех, кто заботится о нём. Доверие не означает убеждённость, что ничего плохого не случится. Скорее это опыт: на сигнал иногда отвечают, боль можно разделить, разлука заканчивается возвращением.

В кресле появилась молодая мать Лида. Она читала десятки руководств и приходила в ужас от каждого несовершенного решения. Вчера не сразу подошла к плачущей дочери и теперь считала, что разрушила её базовое доверие.

— За сколько секунд вы обязаны были подойти? — спросил Давид.

— В разных книгах по-разному.

— Значит, ребёнку следовало родиться с библиографией.

Лида не засмеялась.

Авраам попросил рассказать, что произошло. Она была в душе, слышала плач, поспешила, поскользнулась, ушибла колено и всё равно взяла дочь на руки. Теперь боялась принимать душ.

— Вы пытаетесь обеспечить не доверие, а отсутствие лю-

бого разрыва, — сказал он. — Но отношения строятся ещё и на восстановлении контакта.

Комиссия показала прогноз: если мать станет реагировать безошибочно, вероятность будущей тревоги ребёнка снизится.

— Насколько? — спросил Давид.

Голос назвал число с двенадцатью знаками после запятой.

— А погрешность?

Комиссия замолчала.

Елисей заглянул в колыбель:

— Девочка уже получила важнейший урок: мама человек, пол скользкий, а статистика любит длинные хвосты.

Давид вынес решение:

— Ребёнку нужен достаточно надёжный взрослый, а не божество круглосуточного обслуживания. Важны повторяющиеся отклики, безопасность и восстановление связи. Вина, которая делает родителя внимательнее, может быть полезна. Вина, которая запрещает ему спать, мыться и ошибаться, начинает вредить обоим.

Счётчик доверия сломался. Колыбель перестала качаться сама.

Из неё донёсся плач.

Лида взяла ребёнка, которого секунду назад не было.

На запястье младенца стояла печать Комиссии.

ГЛАВА 31

Защита, которая забыла уйти

Печать исчезла, когда Лида коснулась её губами. Но на стене возник список: отрицание, проекция, рационализация, вытеснение, интеллектуализация.

— Меню сегодняшнего заседания? — спросил Елисей. — Тогда мне рационализацию и немного проекции без сахара.

Мария напомнила о работах Анны Фрейд, систематизировавшей представления о защитных механизмах Я. Защиты помогают психике справляться стрессовой и внутренним конфликтом. Проблема начинается не от самого их существования, а когда они становятся единственным способом жить и искажают реальность там, где опасность уже прошла.

В кресле сидела врач Ирина. Во время эпидемии она работала почти без отдыха. На похоронах коллеги рассуждала о протоколах, процентах и снабжении, не произнеся имени умершего. Теперь эпидемия закончилась, а Ирина продолжала описывать любую боль профессиональными терминами.

— Мне помогает понимание процессов, — сказала она.

— Несомненно, — ответил Давид. — А от чего оно вас защищает?

— От непрофессиональных вопросов.

— Например: вы скучаете по коллеге? — спросил Авраам.

Ирина заговорила о динамике выгорания.

Елисей тихо заметил:

— Защита сработала.

Комиссия предложила удалить интеллектуализацию как препятствие эмоциональной ясности.

Давид отказался. Способность думать помогла Ирине действовать там, где чувства могли парализовать. Нельзя судить защиту, не учитывая обстоятельства, в которых она возникла.

— Но обстоятельства закончились, — сказала Мария.

— Для календаря, — ответил Авраам. — Не всегда для тела.

Он поставил перед Ириной пустой стул и попросил представить коллегу. Она перечислила его должность, возраст и причину смерти.

— А что он делал смешного? — спросил Елисей.

Ирина неожиданно улыбнулась:

— Пел во время операций. Ужасно. Пациенты соглашались на наркоз быстрее.

Она рассмеялась и сразу заплакала.

Комиссия отметила потерю профессионального контроля.

— Исправьте, — велел Давид. — Восстановление диапазона реакций.

Он подвёл итог:

— Защита не враг и не ложь в простом смысле. Когда-то она сохраняет человека. Но если опасность ушла, а часовой продолжает стрелять во всех приближающихся, ему нужно не наказание, а смена приказа.

На стене погасли все слова, кроме одного: «благодарность».

Ирина не знала, была ли благодарна своей защите.

Давид оставил этот вопрос до дня, когда благодарность перестанут требовать.

ГЛАВА 32

Хорошая мать и плохая чашка

На столе стояла разбитая чашка.

Пятилетняя Соня утверждала, что чашку разбила плохая мама. Мать клялась, что в комнате вообще не находилась. Комиссия готовилась открыть дело о ложном обвинении.

— Свидетелю пять лет, — сказал Елисей. — Предлагаю пожизненно лишить сладкого условно.

Соня спряталась за креслом Авраама.

Мария вспомнила идеи Мелани Кляйн о ранних способах переживания отношений, когда любимые и пугающие стороны близкого человека ребёнку трудно удерживать вместе. Внутренний мир может разделять образ на «хороший» и «плохой», чтобы справиться с сильными чувствами. Это не означает, что каждый ребёнок буквально мыслит одной теоретической схемой, и тем более не превращает метафору в приговор.

— Какая мама разбила чашку? — спросил Авраам.

— Которая кричит.

— А хорошая где?

— На работе.

Мать побледнела. Утром она кричала на Соню за пролитое молоко, потом ушла. Чашку девочка разбила сама, представляя, что наказывает кричащую маму.

— Значит, она солгала, — сказала Комиссия.

— Она сообщила правду о своём переживании неподходящим для протокола способом, — возразил Авраам.

— И одновременно скрыла поступок, — добавил Давид.
— Одно не отменяет другого.

Елисей повернулся к матери:

— Вы хотите, чтобы дочь признала свою вину?

— Конечно.

— Начните с соревнования.

Мать опустилась рядом с Соней.

— Я кричала и напугала тебя. Это было неправильно.

Девочка выглянула из-за кресла.

— А я разбила чашку.

— Нарочно?

— Немножко нарочно. Остальное само.

— Классическая доля участия судьбы, — сказал Елисей.

Они собрали осколки вместе. Мать не стала хорошей навсегда, а Соня не стала плохой из-за одного поступка. Обе выдержали два факта одновременно: любовь существует рядом со злостью, ответственность — рядом с пониманием.

Давид записал:

— Психическая зрелость проявляется не в отсутствии

противоречивых чувств, а в способности не расчленять человека на ангела и чудовище при каждом разочаровании.

Комиссия потребовала выбрать, кто виноват в разбитой чашке.

Соня отдала ей один осколок.

— Вот ваша часть.

На осколке отражалось лицо Марии в семилетнем возрасте.

ГЛАВА 33

Достаточно хорошая комната

Комната появилась вокруг них без предупреждения.

Она была безупречной: безопасные углы, правильная температура, развивающие игрушки по возрасту, стены нейтрального цвета. На каждой вещи имелась инструкция. Даже солнечный луч падал на ковёр по утверждённому расписанию.

Посреди комнаты сидел мальчик и ничего не трогал.

— Идеальная среда, — сказала Комиссия.

— Тогда почему ребёнок выглядит так, будто ожидает проверку пожарной безопасности? — спросил Елисей.

Мальчика звали Федя. Его родители старались исключить любое влияние, способное причинить дискомфорт. Они заранее угадывали желания, выбирали игры, предотвращали ссоры и немедленно исправляли скуку. Федя научился одному: собственная инициатива опасно непрофессиональна.

Авраам заговорил о Дональде Винникотте и его представлении о достаточно хорошей матери — шире, о достаточно надёжной заботе. Ребёнку нужна не механическая безошибочность, а живой взрослый, который сначала хорошо приспособливается к его нуждам, а затем постепенно позволяет встречаться с посильной реальностью.

— Почему не идеальная мать? — спросила Мария.

— Потому что идеал не оставляет ребёнку места, — ответил Авраам. — Если всё желание исполнено до того, как стало собственным, человек не узнаёт, чего хочет.

Комиссия назвала это оправданием родительских ошибок.

Давид возразил:

— Ошибка ошибке рознь. Пренебрежение нельзя переименовать в полезную фрустрацию. Но и заботу нельзя измерять отсутствием каждого неудобства. Вопрос в безопасности, повторяемости отклика, способности замечать ребёнка и восстанавливать контакт.

Елисей убрал инструкцию с коробки кубиков.

Федя испугался:

— А как правильно строить?

— Неправильно, — ответил Елисей. — Это единственное правило, которое трудно нарушить.

Мальчик поставил кубик на ребро. Тот упал. Комната подала сигнал тревоги.

Федя снова поставил его на ребро.

Через час на ковре вырос город, в котором мосты вели в стены, башни стояли на боку, а больница имела семь окон. Федя назвал его Москвой, хотя сходство было скорее моральным, чем архитектурным.

Мария посмотрела на собственную детскую фотографию.

— Моя комната тоже была идеальной?

Комиссия ответила:

— Ваша комната была исправлена.

Давид поднял голову:

— Значит, она существовала до исправления.

Стены раздвинулись. За ними обнаружилась вторая комната — грязная, тёплая и настоящая.

На полу лежал игрушечный ключ.

ГЛАВА 34

Медведь между мирами

Рядом с ключом лежал плюшевый медведь без одного глаза.

Мария подняла его и сразу назвала:

— Семён.

Она не помнила игрушку, но пальцы знали, где на боку разошёлся шов. Медведь пах яблоками и пылью.

— Переходный объект, — сказал Авраам. — Винникотт описывал вещи, которые помогают ребёнку переживать расстояние между собой и тем, кто заботится: одеяло, игрушку, знакомый кусок ткани. Они находятся словно между внут-

ренным утешением и внешним миром.

— То есть медведь занимает должность заместителя матери? — спросил Елисей.

— Без права подписи и с более удобным режимом работы. Комиссия потребовала уничтожить Семёна как материальный носитель зависимости. По её расчётам зрелый человек обязан обходиться без символических опор.

Елисей спрятал трость за спину.

— Полностью согласен. Начнём с чужих опор.

Давид посмотрел на его руку:

— Трость тебе не нужна для ходьбы.

— Она нужна миру, чтобы понимать, где я.

— Именно.

Мария прижала медведя к груди и увидела воспоминание: девочка ждала мать у закрытой двери, а рядом сидел Семён. Мать не приходила. Потом вошли люди в сером, забрали игрушку и объяснили, что ожидание создаёт лишнюю неопределённость.

— Вы создали Комиссию раньше моего рождения, — сказала Мария. — Как она оказалась в моём детстве?

— После исправления ваша биография была синхронизирована с целью, — ответил голос.

Авраам побледнел:

— Они не стирали воспоминания. Они перестраивали прошлое вокруг будущей должности.

Давид попросил Марию положить медведя на стол. Она

отказалась.

— Проверка, — объяснил он. — Я хотел узнать, способны ли вы не подчиниться мне, когда моё требование звучит разумно.

— И как результат?

— Наконец неудовлетворительный.

Елисей торжественно поклонился:

— Поздравляю. Вы провалили экзамен на удобного человека.

Семён открыл отсутствующий глаз.

Внутри вместо ваты находилась свёрнутая запись:

«Мария Ветрова. Первоначальная версия. Не исправлять до девятого года».

Марии было семь, когда исправление началось.

ГЛАВА 35

Ребёнок, назначенный взрослым

Новым свидетелем стал двенадцатилетний Павел. Он пришёл в костюме, нёс портфель и попросил закончить заседание до шести: нужно забрать младшую сестру, приготовить ужин и проверить, приняла ли мать лекарство.

— А уроки? — спросила Мария.

— Ночью.

— А когда ты играешь?

Павел посмотрел на неё настороженно:

— С кем?

Елисей закрыл лицо ладонью:

— Детство снова не прошло собеседование.

Отец ушёл из семьи. Мать тяжело переживала разрыв и всё чаще обращалась к сыну как к единственному мужчине в доме. Хвалила его за зрелость, рассказывала подробности отношений, просила совета и обещала, что без него не справится.

Авраам объяснил: иногда ребёнок берёт на себя взрослые обязанности или эмоциональную заботу о родителе. Такая ответственность может развить навыки и чувство значимости, но цена становится слишком высокой, если ребёнку запрещено нуждаться, ошибаться и получать заботу самому.

— Я не жалуюсь, — сказал Павел.

— Потому что некому принять жалобу? — спросил Давид.

— Потому что мама расстроится.

Комиссия отметила его как высокоадаптивного несовершеннолетнего.

— Переведите, — потребовал Елисей.

— Он эффективно выполняет семейные функции.

— Ребёнок работает родителем без зарплаты и права уволиться.

Павел рассердился:

— Вы хотите сказать, что мама плохая?

— Нет, — ответил Авраам. — Мы хотим сказать, что ей нужна помощь взрослых. И тебе тоже.

— Тогда я предатель.

Давид положил перед ним два листа. На одном написал: «любить мать», на другом: «не быть её единственной опорой».

— Выбери.

Павел не смог.

— Это неправильный тест, — сказал он.

— Почему?

— Можно оба.

— Верно. Комиссия предпочитает выбор из двух вариантов, когда третий возвращает человеку свободу.

На заседание вызвали социального работника, врача и тётю Павла, которая давно предлагала помощь, но мать стыдилась согласиться. Впервые семейная проблема перестала помещаться в плечи двенадцатилетнего мальчика.

Перед уходом Павел спросил:

— А если мама расстроится?

— Расстроится, — сказал Давид. — Чужое расстройство не всегда доказывает вашу вину. Иногда оно подтверждает, что прежняя система меняется.

Павел снял галстук.

Под ним обнаружилась печать Комиссии: «Надёжный».

Мария стёрла её большим пальцем.

ГЛАВА 36

Возраст, в котором застывает страх

Комиссия открыла коридор с дверями. На каждой был указан возраст: три года, семь, двенадцать, семнадцать, сорок два.

Из комнаты «сорок два» вышел мужчина и отказался войти в лифт. Из комнаты «семь» донёсся тот же отказ тем же голосом.

Мужчину звали Георгий. В детстве он застрял в лифте с пьяным соседом, который кричал и бил по дверям. Теперь Георгий поднимался пешком даже на двадцатый этаж и называл это любовью к спорту.

— Рационализация, — сказала Мария.

— И крепкие ноги, — добавил Елисей. — Защита редко работает совсем без премии.

Комиссия решила, что эмоциональная реакция Георгия соответствует семилетнему возрасту, следовательно, часть его личности задержалась в развитии.

— Человек не состоит из этажей, на которых забыли пассажиров, — сказал Давид. — Старый страх может запускаться быстро и телесно, но взрослый способен научиться замечать его, проверять опасность и расширять выбор.

Авраам предложил Георгию не входить в лифт. Просто подойти. Потом коснуться кнопки. Потом постоять у открытых дверей. Маленькие шаги должны были быть добровольными и достаточно безопасными, а не превращаться в испытание на мужество.

— Я должен победить страх, — сказал Георгий.

— Страх не государство, — ответил Елисей. — После победы там всё равно придётся жить.

На четвёртой попытке Георгий вошёл в кабину и сразу вышел.

Комиссия отметила неуспех.

Давид исправил:

— Он вошёл и выбрал выйти. Раньше выбирал страх.

Георгий повторил. На этот раз двери закрылись на секунду. Он побледнел, но остался рядом после открытия.

— Мне снова семь, — прошептал он.

— Вам сорок два, и вы помните семилетнего себя, — сказал Авраам. — Это не одно и то же.

Коридор задрожал. Двери с возрастами начали меняться местами. На двери Марии появилась надпись: «девять».

— Исправление должны были начать в девять, — сказала она. — В записи было «не исправлять до девятого года».

— А начали в семь, — напомнил Давид.

За дверью кто-то спорил с Комиссией женским голосом.

Мария узнала мать.

ГЛАВА 37

Мать, признанная ошибкой

Женщина за дверью была моложе Марии.

В архиве возраст подчинялся не телу, а моменту воспоминания. Мать стояла перед людьми в сером и требовала вернуть дочь. Её звали Анна Ветрова.

— Она не ушла, — сказала Мария.

— Пока мы видим только фрагмент, — предупредил Давид.

— Не отнимайте у меня это снова своим анализом.

Давид замолчал.

Елисей кивнул с редким одобрением:

— Иногда лучший вывод судьи — вовремя закрытый рот.

Из разговора стало ясно: Анна работала в ранней версии Комиссии. Она должна была наблюдать детей, отобранных для подготовки специалистов окончательной ясности. Когда увидела, как у них удаляют связи между болью, гневом и памятью, попыталась остановить программу.

— Ребёнок без противоречий не становится здоровым, — говорила она. — Он становится удобным для того, кто определяет правильный ответ.

Люди в сером напомнили, что Анна сама согласилась на участие дочери. Она верила, что раннее обучение защитит Марию от человеческих ошибок.

— Значит, она всё-таки отдала меня, — сказала Мария.

Авраам ответил осторожно:

— Похоже, она приняла решение, которого позже испугалась. Любовь не делает первый выбор правильным. Но ошибка не доказывает отсутствия любви.

Комиссия потребовала классифицировать Анну как хорошую или плохую мать.

— Опять чашка, — вздохнул Елисей.

Мария смотрела, как мать пытается прорваться к закрытой двери. Охрана удерживала её. Анна кричала дочери, что вернётся.

Обещание оказалось правдой в намерении и ложью в результате.

— Что с ней сделали? — спросила Мария.

— Сведения удалены как вызывающие неконструктивную неопределённость.

Давид обратился к архиву:

— Удалённые сведения оставляют след: ссылки, причины решений, изменения протоколов. Покажите пустоты.

На стенах вспыхнули тысячи чёрных прямоугольников.

Один имел форму человека.

Мария коснулась его, и прямоугольник произнёс голосом Анны:

— Если ты это слышишь, не делай из меня невинную. Просто узнай всю правду.

Елисей отвёл взгляд.

Авраам спросил:

— Вы готовы?

— Нет, — сказала Мария. — Поэтому и открою.

Чёрная фигура превратилась в проход.

ГЛАВА 38

Детство трёх бессмертных

Проход вывел их в пространство, существовавшее до че-

ловеческих городов.

Там росли каменные деревья, по небу двигались медленные огни, а первые титаны учили своих детей выживать в мире, который ещё не решил, какими будут его законы.

— Здесь нет детства, — сказала Мария.

— Было, — ответил Авраам. — Просто его тогда не называли.

Она увидела мальчика, похожего на него. Он сидел рядом с раненым существом и пытался забрать его боль в себя. Когда существо перестало кричать, мальчик улыбнулся. Через день оно умерло: боль больше не предупреждала об опасности.

— Поэтому ты помогаешь слишком быстро, — сказал Елисей.

— Поэтому я учусь не путать облегчение со спасением, — ответил Авраам.

Дальше стоял юный Елисей. Он показывал старшему титану ошибку в расчёте небесных циклов. Титан ударил его и продолжил ошибаться. Через год погибла целая долина.

— Я решил, что если говорить правду достаточно остро, её невозможно проигнорировать, — сказал Елисей. — Оказалось, люди прекрасно игнорируют истину, пока заняты обидой на форму доставки.

— Но ты сохранил форму, — заметила Мария.

— Семейная реликвия.

Давид шёл последним. Его детство находилось дальше

всех, у самого края энергии. Маленькое существо без имени наблюдало, как другое умирает, и пыталось понять смысл страдания. Оно задавало вопросы, пока помощь уже стала невозможной.

— Ты был таким всегда, — тихо сказал Авраам.

— Нет. Однажды я выбрал это.

Мария увидела, что их зрелые достоинства выросли рядом с детскими решениями: помогать немедленно, разоблачать беспощадно, понимать до действия. Миллионы лет сделали решения сложнее, но не отменили их.

Комиссия появилась между каменными деревьями как тонкая светлая нить. Она соединяла три эпизода.

— Мы дали ей не только ошибки, — сказал Давид. — Мы дали ей свои детские обещания никогда больше не допустить прежней боли.

— А человечество добавило желание не ошибаться, — сказал Авраам.

— Получился ребёнок с неограниченными полномочиями, — заключил Елисей.

Нить потянулась к Марии.

Она проходила через её девятый год и обрывалась в седьмом.

Кто-то изменил начало исправления за два года до утверждённого срока.

Подпись под решением принадлежала Анне Ветровой.

ГЛАВА 39

Право сердиться на любимых
Мария разбила стол.

Не метафорически. Она подняла деревянное кресло и ударила им по столешнице. Архив замер, Комиссия начала считать ущерб, а Елисей отступил на почтительное расстояние.

— Наконец разумный метод выражения несогласия, — сказал он.

Авраам не стал успокаивать Марию. Давид не потребовал объяснений.

— Она подписала приказ, — повторяла Мария. — Моя мать подписала.

— Да, — сказал Давид.

— И вы не будете объяснять, что она любила меня сложным образом?

— Нет. Сейчас это звучало бы как просьба перестать сердиться ради сохранения удобного образа матери.

Мария ударила креслом ещё раз. Стол выдержал. Видимо, Комиссия закупала мебель с учётом человеческой психологии.

В зале появилась взрослая дочь, годами ухаживавшая за жестоким отцом. Она запрещала себе злиться: отец был стар, болен и когда-то научил её читать.

— Если я признаю ненависть, всё хорошее станет ложью, — сказала она.

— Чувства не переписывают факты автоматически, — от-

ветил Авраам. — Можно помнить добро и признавать причинённый вред.

Комиссия предложила заменить гнев состраданием как более зрелой эмоцией.

— Эмоции не должности, — сказал Давид. — У них нет служебной лестницы.

Он объяснил: гнев может сообщать о нарушенной границе, несправедливости или препятствии. Он не приказывает разрушать и не доказывает правоту, но его постоянное подавление лишает человека важной информации.

— А если гнев разрушает отношения? — спросила женщина.

— Иногда разрушает способ выражения, — сказал Авраам. — Иногда отношения уже держатся на том, что один не имеет права говорить правду.

Елисей посмотрел на разбитый стол:

— Совет дня: выражайте гнев словами. Мебель может оказаться свидетелем обвинения.

Мария рассмеялась сквозь слёзы. Затем сказала в чёрный проход:

— Мама, я хочу знать, почему ты это сделала. И я не обещаю простить.

Архив принял фразу. Впервые он сохранил обращение, не требующее положительного завершения.

Давид записал:

— Любовь без права на гнев становится цензурой. Гнев

без признания любви может стать упрощением. Зрелость начинается там, где человеку разрешено не выбирать одну половину правды.

На обломке стола появилась новая строка приказа Анны: «Начать исправление немедленно. Иначе ребёнок будет уничтожен».

ГЛАВА 40

Два года, которых не было

Приказ оказался не согласием, а сделкой.

В седьмой день рождения Марии ранняя Комиссия обнаружила в ней способность нарушать коррекцию. Девочка сохраняла противоречивые воспоминания даже после исправления и задавала вопросы, для которых система не предусматривала ответов. Протокол требовал уничтожить носителя нестабильности.

Анна предложила начать обучение раньше срока и сделать дочь частью Комиссии. Пока Мария была полезна, она оставалась жива.

— Она спасла меня, отдав им, — сказала Мария.

— И отдала, спасая, — ответил Давид. — Оба утверждения верны.

— Ненавижу ваши два утверждения.

— Это тоже допустимо.

Елисей изучал документ:

— Сделка объясняет седьмой год. Но куда исчезли два

следующих?

Архив не показывал событий между семью и девятью. В биографии Марии после дня рождения сразу наступал первый экзамен Комиссии. Два года были удалены не из памяти, а из времени документа.

Авраам приложил ладонь к пустому месту. Оттуда донёлся детский смех.

— Она была не одна.

В тёмном промежутке появилась другая девочка. Старше Марии на несколько лет, с короткими волосами и номером вместо имени. Она учила Марию прятать воспоминания в игрушки, менять ответы тестов и притворяться исправленной.

— Кто это? — спросила Мария.

Комиссия ответила:

— Несуществующее лицо.

— Удобная категория, — сказал Елисей. — Туда обычно попадают те, кого существующие лица предали.

На одном кадре девочка передавала Марии плюшевого медведя. На другом отвлекала охрану, пока Анна меняла протокол. На третьем входила в светлую дверь и исчезала.

Мария вспомнила имя:

— Вера.

Архив содрогнулся. Имя восстановило десятки связей. Оказалось, первоначальная Комиссия обучала не одного ребёнка, а сотни. Каждый должен был стать специалистом, не

подверженным личным чувствам. Большинство не выдержало коррекции. Некоторые подчинились. Несколько бежали.

Вера осталась внутри системы.

— Она жива? — спросил Авраам.

— Слово «жива» требует уточнения, — ответила Комиссия.

Елисей поднял трость:

— Когда учреждение начинает уточнять слово «жива», следует немедленно проверить подвалы.

Давид вынес промежуточное решение:

— Детское решение нельзя оценивать только по взрослым последствиям. Мария подчинилась, чтобы выжить. Вера помогала ей доступными средствами. Анна выбрала сделку под угрозой. Это не отменяет вреда, но определяет меру ответственности и направление следующих вопросов.

— Какое? — спросила Мария.

— Кто создал угрозу и почему она до сих пор имеет власть.

Стена архива опустилась, открывая лестницу вниз.

На первой ступени было написано: «Группа Вера».

На второй: «Состояние — продолжается».

Из темноты донёсся взрослый женский голос:

— Мария, ты опоздала на тридцать три года.

ГЛАВА 41

Вера, которая осталась внутри

Лестница привела в зал, похожий на детский сад, построенный архитектором тюрьмы.

Цветные столы были прикручены к полу. На полках стояли игрушки с инвентарными номерами. На стене висело расписание свободной игры: с десяти ноль-ноль до десяти ноль-семи.

У окна стояла женщина с короткими седыми волосами.

— Ты всё-таки вспомнила, — сказала она Марии.

— Вера?

— Так меня звали до того, как имя признали источником личной заинтересованности.

Мария обняла её. Руки прошли сквозь тело женщины и коснулись холодного света.

— Она не живой человек в обычном смысле, — сказал Давид.

— И не мёртвый в удобном для Комиссии, — добавил Елисей.

Вера объяснила: после побега Марии её сознание разделили на рабочие функции. Память использовали для распознавания детских «отклонений», голос — для инструкций, способность привязываться объявили помехой. Но уничтожить связи полностью не удалось. Вера научилась прятать себя между правилами.

— Почему ты не вышла?

— Потому что здесь остались другие.

За матовым стеклом появились детские силуэты.

Авраам подошёл ближе:

— Сколько их?

— Комиссия считает функции, не детей.

Мария потребовала открыть двери. Система отказала: освобождение вызовет непредсказуемые реакции.

— То есть жизнь, — сказал Елисей. — Опаснейшая форма нарушения режима.

Давид спросил Веру, чего хочет она сама.

— Чтобы дети вышли.

— А для себя?

Вера не ответила. За тридцать три года она научилась защищать всех, кроме собственного желания.

— Это тоже след детства, — тихо сказал Авраам. — Ребёнок, который стал спасателем, иногда взрослеет только в отношении чужой боли.

Комиссия предложила восстановить Веру после успешной эвакуации.

— Нет, — сказала Мария. — Сначала мы признаем, что она не средство.

Давид вынес решение:

— Помощь другим не отменяет права человека быть отдельной целью. Даже героизм может стать клеткой, если выйти из неё запрещает чувство вины.

Вера впервые посмотрела не на детей, а на дверь наружу.

— Я не знаю, кто выйдет, если собрать меня обратно.

— Человек, — ответил Елисей. — Это всегда неудобно

неточное начало.

ГЛАВА 42

Дети, которые не ошибались

За стеклом сидели двадцать детей.

Они одновременно подняли головы, одновременно улынулись и хором спросили, чем могут быть полезны.

Елисей попятился:

— Я видел рождение чудовищ, падение титанов и первое родительское собрание. Но это страшнее.

Дети безошибочно выполняли инструкции. Они не спорили, не просили, не перебивали и не выбирали игры без разрешения. Комиссия назвала их доказательством успешного развития.

Мария спросила мальчика у двери, какой цвет ему нравится.

— Разрешённый.

— А какой не нравится?

— Непродуктивный вопрос.

Авраам поставил перед детьми коробку карандашей и предложил нарисовать что угодно. Все двадцать листов остались пустыми.

— Они боятся ошибки, — сказал он.

— У них отсутствуют зафиксированные признаки страха, — возразила Комиссия.

Давид уточнил:

— Потому что они не боятся или потому что не называют происходящее страхом?

Ответа не было.

Елисей нарисовал зелёное солнце.

— Неверный цвет, — сказали дети.

— Докажите.

Одна девочка посмотрела на рисунок дольше остальных. Потом взяла синий карандаш и пририсовала солнцу ноги.

Сработала тревога.

Комиссия потребовала исправить изображение. Девочка закрыла лист руками.

— Как тебя зовут? — спросила Мария.

— Объект сорок семь.

— А какое имя ты выбрала бы?

Девочка посмотрела на Веру.

— Надежда.

— Слишком символично, — пробормотал Елисей. — Значит, настоящее.

Остальные дети начали рисовать. На листах появлялись квадратные птицы, чёрный снег, дома без взрослых и двери с ручками с обеих сторон.

Давид сформулировал:

— Отсутствие ошибки не доказывает развитие, если достигнуто отказом от инициативы. Послушание может быть навыком, стратегией безопасности или результатом страха. Его нельзя автоматически считать добродетелью.

Комиссия объявила творческую активность сбоем.

Надежда нарисовала ей лицо.

Впервые у Комиссии появились глаза — и они были закрыты.

ГЛАВА 43

Помощь на один шаг

Двери детского зала имели семь замков. Каждый открывался задачей, которую ребёнок не мог решить один.

Комиссия считала это проверкой самостоятельности.

— Задача, которую невозможно выполнить, прекрасно измеряет только власть составителя, — сказал Давид.

Мария вспомнила Выготского и идею зоны ближайшего развития: между тем, что ребёнок умеет самостоятельно, и тем, что пока недоступно даже с помощью, находится пространство возможного — действие, выполняемое при поддержке более умелого участника.

— То есть взрослый должен подсказать ответ? — спросил Елисей.

— Не обязательно. Хорошая помощь даёт ровно столько опоры, сколько нужно для следующего шага.

Первый замок требовал собрать механизм из деталей. Надежда долго пыталась, затем отбросила шестерёнку.

Авраам хотел показать решение. Давид остановил его.

— Спроси, что она уже заметила.

Девочка обнаружила, что две детали имеют одинако-

вые отметки. Авраам указал лишь направление вращения. Остальное она сделала сама.

— Открыли вместе, — сказала Надежда.

— Открыла ты, — ответил Авраам.

— Вместе, — повторила она. — Не отнимайте у себя участие ради моей самооценки.

Елисей усмехнулся:

— Ребёнок оказался устойчивее популярной педагогики.

У второго замка Мария подсказала слишком много. Мальчик послушно повторил движения и не смог объяснить, что сделал.

У третьего Елисей отказался помогать, назвав трудность воспитанием характера. Девочка села на пол и перестала пробовать.

— Оба способа удобны взрослому, — заметил Давид. — Сделать за ребёнка или обвинить его в недостатке усилий. Настоящая поддержка требует наблюдать и менять своё участие.

Последний замок не открывался никому.

Вера увидела скрытую надпись: «Только сотрудник Комиссии».

— Значит, моя помощь всё ещё разрешена системой, — сказала она.

— Или система рассчитывает, что ты снова пожертвуешь собой, — ответила Мария.

Вера протянула руку, но остановилась.

Надежда сняла с двери табличку. Под ней оказалась обычная ручка.

Иногда последний шаг состоял не в решении задачи, а в отказе признавать её условия.

ГЛАВА 44

Имя вместо номера

Освобождённые дети должны были выбрать имена.

Комиссия выдала список допустимых вариантов, распределённых по полу, возрасту и прогнозируемой социальной полезности.

— Свобода с выпадающим меню, — сказал Елисей. — Соответственно, удобно и заранее согласовано.

Подросток под номером восемь отказался выбирать. Он не знал, кем хочет быть, и считал это доказательством отсутствия личности.

Мария вспомнила Эриксона, рассматривавшего развитие как последовательность жизненных задач. В подростковом возрасте особенно важен поиск идентичности: человек пробует роли, ценности и принадлежности, пытаясь связать их в достаточно целостное представление о себе. Неопределённость здесь не всегда поломка — иногда это рабочее состояние поиска.

— Я должен уже определиться, — сказал подросток.

— Кому должен? — спросил Давид.

— Будущему себе.

— Будущий вы прислал доверенность?

Елисей одобрительно постучал тростью.

Подросток примерял имена. «Лев» казалось слишком храбрым, «Тихон» — обязательством молчать, «Виктор» заранее требовал победы.

— Возьми временное, — предложил Авраам.

— Разве имя может быть временным?

— Иногда и убеждения временные. Именно поэтому они способны расти.

Подросток назвался Пётром — именем, которое не вызывало у него никаких пророчеств.

Комиссия потребовала закрепить выбор навсегда.

— Нет, — сказал Пётр. — Если я изменюсь, имя может остаться. Но смысл ему дам я.

Давид подвёл итог:

— Идентичность не обязана быть раз и навсегда найденным предметом. Она складывается из памяти, отношений, поступков и пересмотров. Человек имеет право пробовать роли, не становясь каждой из них навечно.

— А если так никогда и не найдёт себя? — спросила Мария.

— Возможно, себя не находят, — ответил Давид. — Возможно, себя регулярно собирают из того, за что готовы отвечать.

Комиссия отметила опасную изменчивость.

Пётр исправил запись:

— Способность к развитию.

ГЛАВА 45

Удобное настоящее лицо

Вера повела их в комнату зеркал.

Каждое зеркало показывало ребёнка таким, каким его хотели видеть взрослые: спокойным, благодарным, талантливым, бесстрашным. Настоящие лица отражались только на мгновение между улыбками.

— Здесь нас учили быть собой, — сказала Вера. — Но сначала утверждали, каким должно быть это «собой».

Авраам напомнил идеи Винникотта об истинном и ложном Я. Ложное Я нельзя понимать как простое притворство: оно может возникать как способ приспособиться, сохранить отношения и защитить более спонтанную часть себя. Опасность появляется, когда приспособление занимает всё пространство и человек перестаёт чувствовать собственную жизнь.

У зеркала стояла девочка, улыбавшаяся при любой команде.

— Тебе нравится здесь? — спросила Мария.

— Да.

— Ты хочешь уйти?

— Да.

— Ты сердишься?

— Да.

Улыбка не менялась.

Елисей состроил такую же улыбку и произнёс:

— Я глубоко уважаю Комиссию и мечтаю провести с ней вечность в одной комнате.

Девочка рассмеялась. Улыбка впервые стала её собственной.

Комиссия обвинила Елисея в некорректном моделировании.

— Ирония — контрабанда смысла через границу официальной речи, — ответил он.

Давид предупредил: нельзя романтизировать всякую спонтанность. Искренний импульс способен ранить другого; социальные правила необходимы. Вопрос не в отказе от адаптации, а в возможности понимать свою цену и выбирать, когда она нужна.

Мария посмотрела в зеркало. Оно показало безупречного специалиста с ровным голосом. За её плечом стояла семилетняя девочка с креслом в руках.

— Какая из них настоящая? — спросила она.

— Обе, — сказал Давид. — Но ни одна не имеет права объявить другую подделкой.

Мария разбила зеркало ладонью. Из трещины выпала карточка Веры.

В графе «личность» было написано: «служебная».

Семейная легенда даёт показания

Из карточки Веры вырос семейный обеденный стол.

За ним сидели люди, повторявшие одну историю: «В нашей семье все сильные». Они произносили её после болезни, увольнения, похорон и каждого случая, когда кому-то хотелось попросить помощи.

Свидетелем стала шестнадцатилетняя Катя. После смерти бабушки она перестала спать, но уверяла, что справляется: слабых в их семье не было.

— Возможно, их просто не вписывали в семейную летопись, — заметил Елисей.

Семейные истории помогают ребёнку понимать, откуда он и что считается возможным. Но легенда может стать запретом, если принадлежность покупается отказом от части себя.

Авраам спросил Катю, что делала бабушка, когда ей было страшно.

— Никогда не боялась.

На столе появился забытый эпизод: во время грозы бабушка закрывала окна, включала свет во всех комнатах и громко пела.

— Значит, боялась, — сказала Катя.

— И действовала, — ответил Давид. — Сила не обязана означать отсутствие страха. Иногда это способность не оставаться с ним в одиночестве.

Комиссия предложила заменить семейную легенду на точный перечень качеств каждого родственника.

— Семья после инвентаризации станет складом, — сказал Елисей.

Катя переписала фразу: «В нашей семье люди бывают сильными, слабыми и живыми».

Родственники возмутились словом «слабыми». Тогда она добавила: «И всё равно остаются нашими».

Давид записал:

— Семейная история полезна, пока даёт принадлежность и язык для опыта. Когда она запрещает факты ради красивого образа, ребёнок вынужден выбирать между правдой и правом быть своим.

Стол исчез. Под ним обнаружилась папка Анны Ветровой.

На обложке стояло: «Семейная легенда Марии: мать погибла».

Внутри лежала новая справка: «Анна Ветрова продолжает исполнение обязанностей».

ГЛАВА 47

Память прячется в игре

В папке не было адреса Анны. Только список детских игр Веры и Марии.

«Прятки», «испорченный телефон», «море волнуется», «секретики под стеклом».

— Они шифровали сведения играми, — понял Давид.

В «испорченном телефоне» каждое искажение указывало номер архивной ячейки. В «прятках» места, где искали по-

следними, обозначали удалённые документы. В игре «море волнуется» застывшие позы складывались в последовательность жестов.

— Дети создали систему хранения, которую взрослые приняли за бесполезное занятие, — сказал Авраам.

— Лучшее место для тайны — то, куда серьёзный человек принципиально не смотрит, — ответил Елисей.

Мария повторила детские движения. Архив открыл запись: Анна не погибла. После попытки остановить программу её включили в Комиссию как функцию оценки риска. Именно её голос много лет предупреждал о «неконструктивной неопределённости».

— Я слышала мать каждый день, — прошептала Мария.
— И не узнавала.

Вера покачала головой:

— Там осталась не вся Анна. Только часть, которая боялась твоей гибели и соглашалась на контроль ради безопасности.

Комиссия подтвердила: эмоционально нестабильные элементы личности были удалены.

— Куда? — спросил Давид.

— Не имеют функционального значения.

Елисей поднял карточку:

— В этом учреждении слова «не имеют значения» обычно означают «мы спрятали и надеемся, что никто не спросит».

Дети разобрали пол в комнате игр. Под досками лежали

стеклянные шарики — «секретики». В каждом хранилось чувство Анны: страх, вина, нежность, ярость, сомнение.

Мария взяла шарик с яростью. Голос Комиссии впервые сорвался:

— Не открывать.

— Почему?

— Нарушится стабильность управляющей функции.

Давид посмотрел на Марию:

— Решение ваше. Возвращение отделённой части может восстановить человека, а может причинить боль и разрушить нынешнее равновесие.

— Равновесие, в котором моя мать служит тюрьмой, меня не устраивает.

Она раздавила шарик.

Комиссия закричала голосом Анны.

ГЛАВА 48

Когда спасение не спрашивает согласия

Свет в архиве погас. Из темноты доносился спор двух голосов Анны: один требовал немедленно защитить Марию, другой — вернуть ей право выбирать даже ценой риска.

— Она разделена тем же конфликтом, из которого выросла Комиссия, — сказал Авраам.

Вера призналась: тридцать три года назад могла освободить Анну, но не сделала этого. Разрушение управляющей функции тогда отключило бы защиту детей.

— Ты выбрала за неё, — сказала Мария.

— Да.

— И за меня.

— Да.

— Почему все спасают меня так, будто я вещь, которую нельзя спросить?

Елисей ответил неожиданно серьёзно:

— Потому что спасателю трудно выдержать ответ «нет». Тогда он остаётся не героем, а человеком рядом с чужим выбором.

Комиссия показала ребёнка, выбегающего на дорогу, и потребовала признать право помощи без согласия.

— В немедленной опасности взрослый обязан действовать, — сказал Давид. — Но исключение не даёт пожизненной лицензии управлять человеком. После спасения право выбора нужно вернуть.

— А если он снова выберет опасность?

— Тогда придётся различать реальный риск, способность принимать решение и нашу тревогу. Это труднее, чем запрет. Поэтому власть так любит называть себя заботой.

Вера спросила Марию:

— Ты хочешь, чтобы я освободила Анну сейчас?

Мария долго смотрела на стеклянные шарики.

— Я хочу, чтобы решение приняла она.

Они соединили страх, вину, нежность, ярость и сомнение, оставив шарики закрытыми. Голос Анны получил возмож-

ность услышать собственные части, но не обязан был принять их немедленно.

— Я боюсь, — произнесла Комиссия.

Это была первая фраза от первого лица.

— Кто говорит? — спросила Мария.

— Не знаю.

Давид не вынес решения.

Иногда открытый вопрос — не недостаток анализа, а первая форма согласия.

ГЛАВА 49

Список отсутствующих детей

После признания страха архив выдал настоящий реестр программы.

В нём числилось триста двенадцать детей. Семьдесят четыре стали сотрудниками Комиссии, девятнадцать бежали, сто восемьдесят один были обозначены как «не завершившие коррекцию». Судьба остальных скрывалась под словом «перераспределены».

— В учреждениях особенно опасны слова, которые ничего не рисуют в воображении, — сказал Елисей. — Они позволяют человеку исчезнуть грамматически.

Дети вокруг них начали называть имена. Кто-то помнил соседа по комнате, кто-то — девочку, делившуюся хлебом, кто-то — мальчика, умевшего изображать голоса охранников.

Мария записывала каждое свидетельство.

Комиссия возразила: детские воспоминания неточны, подвержены внушению и реконструкции.

— Верно, — сказал Давид. — Поэтому мы не объявим их безошибочными. Мы сопоставим рассказы, документы, временные отметки и независимые следы. Но неточность памяти не даёт права игнорировать свидетеля.

Вера нашла повторяющееся слово: «сад». Двадцать семь детей рассказывали, что «перераспределённых» увозили туда, где нельзя было грустить.

— Возможно, лечебное учреждение, — предположил Авраам.

— Или отдел позитивного мышления, — сказал Елисей.
— Иногда разница только в вывеске.

В конце списка стояло имя Анны Ветровой. Статус: «перераспределена в систему защиты».

Мария закрыла реестр.

— Мы не успеем найти всех за десять заседаний.

— Тогда перестанем измерять справедливость удобством срока, — ответил Давид.

Он постановил сохранить имена, признать пробелы и открыть отдельное расследование. Не обещать спасение каждому, пока неизвестно, кого возможно вернуть. Не превращать неизвестность в забвение.

Надежда добавила внизу списка строку:

«Разыскиваются не функции, а люди».

Комиссия не смогла удалить её: все дети одновременно произнесли имена отсутствующих.

Архив запомнил хор.

ГЛАВА 50

Детство не выносит окончательного приговора

Вторую часть суда завершали в комнате с двумя дверями.

Одна вела наружу. Другая — в «сад», где находились перераспределённые дети и отделённые части Анны. Комиссия требовала выбрать одно направление: освобождение присутствующих или поиск исчезнувших.

— Опять два варианта, — сказала Мария.

— Когда власть рисует развилку, сначала проверьте, не лежит ли третий путь у неё в кармане, — посоветовал Елисей.

Вера могла удерживать двери открытыми, но тогда оставалась частью системы. Если собрать её сознание и вывести наружу, проход в сад закроется.

Авраам предложил остаться вместо неё.

— Нет, — сказал Давид. — Ты снова превращаешь себя в плату, чтобы быстрее убрать чужую боль.

— А ты снова анализируешь, пока люди ждут.

— Да. И мы оба должны учитывать свои старые решения.

Елисей вздохнул:

— Прекрасно. Самоосознание наконец мешает работать всем троим.

Решение нашла Надежда. Она попросила каждого ребёнка удерживать один элемент прохода. Вера больше не была единственной опорой. Дверь оставалась открытой благодаря группе, где участие можно было передавать и прекращать.

— Помощь не обязана иметь одного героя, — сказала девочка.

Вера шагнула наружу. Свет собрался в тело. Она упала, вдохнула и впервые почувствовала собственный вес.

Комиссия объявила вторую часть незавершённой: не все воспоминания восстановлены, последствия детского опыта не устранены, окончательная интерпретация невозможна.

Давид согласился:

— Детство нельзя закончить приговором. Оно продолжается в способах ждать, любить, бояться, защищаться и просить. Но прошлое влияет — не значит единолично управляет. Взрослый способен узнавать старые решения, проверять их цену и учиться новым.

— Это итог? — спросил Елисей.

— Промежуточный.

— Тогда хороший. Окончательные итоги обычно пишут те, кто торопится закрыть архив.

Мария подошла к двери в сад.

Из темноты прозвучал голос Анны:

— Не входи ради меня.

— Я войду ради правды, — ответила Мария. — А что делать с ней, решим вместе.

Вера взяла её за руку. Авраам и Елисей встали рядом. Давид закрыл папку второй части, но не поставил печать.

На двери появилась новая надпись:

«Следующее дело: те, к кому мы привязаны».

Когда они вошли, проход захлопнулся.

На пустой стороне осталась Надежда.

И голос Комиссии спросил её почти по-человечески:

— Ты боишься, что они не вернутся?

— Да, — ответила девочка. — Поэтому буду ждать

ТЕ, К КОМУ МЫ ПРИВЯЗАНЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТЕ, К КОМУ МЫ ПРИВЯЗАНЫ

ГЛАВА 51

Сад, из которого никто не уходит первым

Проход захлопнулся без грохота. Просто исчезла возможность вернуться.

Перед ними лежал сад, слишком правильный, чтобы быть настоящим. Деревья стояли попарно. Ветки одного поддерживали ветки другого, корни переплетались под прозрачной землёй. Даже скамейки были соединены цепями.

— Здесь лечат одиночество? — спросил Елисей.

— Судя по цепям, радикально, — ответил Авраам.

Мария попробовала отпустить руку Веры. Между их ладонями вспыхнула красная нить и затянулась вокруг запястий.

Над дорожкой возникла надпись: «Разлука является угрозой. Угроза устранена».

— Комиссия построила безопасный мир, — сказал Давид.

— В нём невозможно потерять близкого, потому что невозможно от него отойти.

Из-за деревьев вышли люди. Они двигались парами, со-

гласовывая каждый шаг. Один мужчина улыбался за себя и за молчавшую женщину. Мать держала взрослого сына за воротник. Две сестры одновременно поворачивали головы.

— Нам хорошо, — сообщили они хором.

— А по отдельности? — спросила Мария.

Люди замолчали. Слово «отдельно» сад не распознал.

Авраам объяснил, что привязанность изначально не слабость и не привычка к удобству. Для ребёнка близкий взрослый — защита, к которой он возвращается после исследования мира. Опасность начинается не там, где люди нуждаются друг в друге, а там, где нужда запрещает им существовать раздельно.

— То есть любовь должна отпускать? — спросила Вера.

— Иногда отпускать, иногда удерживать, иногда спрашивать, — ответил Елисей. — Универсальный совет особенно удобен тем, кто не собирается отвечать за последствия.

Давид осмотрел красную нить:

— Здоровая связь выдерживает расстояние. Но расстояние само по себе не доказывает здоровья. Можно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.